

Юлия Олейник
Борьба за равновесие

роман

Юлия Олейник
Борьба за равновесие

«Издательские решения»

2015

Олейник Ю. А.

Борьба за равновесие / Ю. А. Олейник — «Издательские решения», 2015

Деревенскому лекарю Рилмоку местные крестьяне привозят раненую чужестранку — кхару, жительницу загадочной Дельты. После общения с ней лекарь понимает, что ведёт свой род от древних правителей Аквиллии — государства людей. Но перед тем, как занять по праву престол, молодому человеку и его странной спутнице придётся преодолеть немало препятствий, одно из которых — ныне правящий Великий герцог, вряд ли мечтающий расстаться с тронem.

© Олейник Ю. А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Глава I	6
Глава II	15
Глава III	27
Глава IV	33
Глава V	38
Глава VI	42
Глава VII	45
Глава VIII	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Борьба за равновесие
роман
Юлия Александровна Олейник

© Юлия Александровна Олейник, 2015

Редактор Александра Сербай

Редактор Сергей Луковников

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава I

Телега медленно тащилась по дороге, собирая все кочки и ухабы. Старая кляча Рыжка не могла идти быстрее, да и надобности в этом особой не было. Всё одно, к закату доберутся до Хельсвуде, а с хозяином постоянного двора уже ударили по рукам. Мастер Йозев приподнялся на козлах и посмотрел вдаль. Горизонт был чист и светел, дождя не предвиделось. Он удовлетворённо уселся назад и обернулся на телегу. Там на охапке сена посапывала его жена Гретта, шмыгая носом и ворочаясь. Йозев усмехнулся. Видит Создатель, сегодня выдался определённо хороший день. Ярмарка в Гроссе любой день делает хорошим, что правда, то правда, но мастер Йозев выгодно продал все круги сыра, перековал Рыжку, накупил гостинцев дочкам и кое-чего по хозяйству, да ещё и денег осталось. Гретта, правда, возмущалась, зачем Люси и Тильде такие дорогие бусы, ну да девочкам скоро женихов заманивать, а женихи пошли такие, что на серую тихоню и не посмотрят. Вот и приходится тратиться на обновки, так ведь замужество – вещь такая: один раз бывает. Разок и расстараться не грех. Ворчала всё же Гретта долго, полпути, но потом притомилась и уснула на сене. После этого день сразу же заиграл яркими красками. Мастер Йозев вынул из потайного кармашка флягу с раakitницей и с чувством приложился. Гретта бы подняла вой, хорошо, что спит. По телу разлилось приятное тепло и мир заискрился.

Вдруг Рыжка запрядала ушами и начала бочить.

– Но, но, старая! – мастер Йозев аж поперхнулся от неожиданности. – На ежа, что ли, наступила?

Кобыла зафырчала и остановилась.

– Да что б тебе пусто было, – Йозев, пыхтя, слез с козел, – что ты там увидела?

На обочине дороги, почти в самых кустах, кто-то лежал.

– И думать не смей, аспид! – бушевала Гретта, когда Йозев, с трудом растолкав благоверную, показал свою находку. – Лежит и лежит себе, мало ли, проходимец какой! Пьяный поди! Да и сам-то ты что, раakitницы дёрнул, пока я спала?

– Тихо ты орать-то! – не остался в долгу Йозев. – Что дёрнул, то назад не выльешь. Помоги лучше человека на телегу положить, в Хельсвуде к лекарю отнесём.

– Ах ты, паршивец, ах ты пьянь толстая! Да где это видано – бродяг подканавных в телегу к честным людям сажать! Да ещё к лекарю его! А платить лекарю тоже ты будешь? У этой швали, небось, ни монетки нет!

Йозев осторожно подошёл поближе к лежащему и тут же сделал шаг назад. Пышущая гневом, но оттого не менее любопытная Гретта сунулась следом и взвизгнула:

– Да это ж кхарь болотная! А ну садись в телегу, и гони во весь опор, жалельщик драный!

– Цыц, дура! – Йозев сам не заметил, как взбеленился. – Кхарь, не кхарь, а раненый он. Негоже на дороге оставлять валяться. Что Создатель заповедовал? «Помогай ближнему своему в тяготах его»...

– Ты кхарь ближним-то не считай, и Создателя не прилепливай, аспид, как есть аспид! Очнётся кхарь твоя да и порубит нас своим ножичком, вона какой у ноги-то лежит!

У ноги лежал не ножичек, а самый настоящий меч. По зеленоватому лезвию струились странные знаки, периодически вспыхивающие ярким фосфорным огнём. Владелец меча лежал ничком в траве, голова и торс были почти скрыты в кустах. Наружу торчали только длинные худые ноги в высоких сапогах, да жуткий меч из зеленоватого металла, совсем не похожий на оружие обычных стражников.

– Нет, – покачал головой Йозев, – негоже так. Убивец он или нет, а я грех на душу брать не хочу. Довезём до лекаря, а там с глаз долой. Ехать-то осталось полчаса, не больше. Авось, не очухается.

Гретта всё ещё продолжала вопить и поносить мужа на чём свет стоит, а Йозев с трудом, преодолевая одышку, вытащил бесчувственное тело на дорогу. Им оказался высокий худой воин в странных доспехах из тусклых пластин, похожих на крупную чёрную чешую, мертвенно-бледный, не сказать белый. Голова была замотана тряпкой, из под которой тоненькой струйкой стекала кровь. Такая же струйка пробивалась сквозь чешую на груди. Видно было, что владелец зелёного меча при смерти, если уже не умер. Йозев наклонился и поймал чуть заметное дыхание.

– Жив! – крикнул он жене. – Жив ещё! А ну-ка, помогай!

Гретта от души сплюнула на землю и, стараясь не касаться мутно-белой кожи, стала подталкивать тело в телегу. Воин был странно лёгким, и упал на сено почти бесшумно.

– К Рилмоку правь, – распорядилась Гретта, устраиваясь рядом с мужем на козлах. Места для двоих не хватало и Йозев балансировал на краю сиденья, отчаянно пытаясь не свалиться. Спорить с женой сейчас было себе дороже, – Он в Хельсвуде на отшибе живёт, у самой реки. Ему кхарь и сбагришь, да не вздумай денег давать! Пушай свои опыты проводит, нечестивец.

– Ох, и злющая ты, – пробормотал Йозев, – хлебом не корми, дай человека оболгать. Ну какие опыты он проводит, башка твоя тыквенная? И лекарь, и травник, и грамоте обучен, люди в Хельсвуде чуть не молятся на него, даром что молодой совсем. Ты-то сама к кому за отваром от кашля да за примочками меня гоняла? И не говори, что не помогло.

– Помогло, – признала Гретта, – да только в доме у него уж больно не по-людски всё, книги какие-то стопками лежат, не повернуться из-за них, а трав сушёных да пизирьков с настойками я у него почти и не видела. Ты мне скажи – на кой человеку в нашей-то глуши столько книг? Для врачеванья не бумажки нужны с каракулями, а руки с головой, да травы целебные. А в писульках этих одно чародейство и ведовство, вот что я тебе скажу! И не жди от такого человека ничего путного! Так что ему кхарь в самый раз будет, книжки колдовские будут читать да опыты свои проклятые ставить.

– Думай, что говоришь, дура! – прикрикнул Йозев и обернулся. Раненый лежал на сене и не шевелился. – Али совсем Создатель ума не дал? Кхары самого герцога и магника охраняют, их нанять знаешь сколько денег стоит? Мы за год столько не наторгуем. А значит, война надо лекарю сдать, да молиться, чтоб в душегубстве нас не обвинили.

– Пушай хоть самого Создателя охраняют, – буркнула Гретта, тоже оглядываясь на бесчувственное тело, – а по мне кхарь она и есть кхарь, отродье нелюдское. И чего им в своих болотах не сидится?

– Цыц! – Йозев щёлкнул вожжами. – Слезай, приехали.

Дом лекаря и любителя книг Рилмока действительно находился в изрядном отдалении от Хельсвуде, рядом с речкой, прямо у дома переходящей в заросший кувшинками пруд. Около дома был небольшой садик с огородом, на котором почти ничего не росло, за исключением кустов крыжовника и смородины. Домик был аккуратный, но было видно, что хозяину не хватает денег даже на самый малый ремонт. Дверь заметно покосилась, одна ставня не закрывалась вовсе, краска на стенах кое-где пооблупилась и осыпалась, на сам дом выглядел довольно чисто и опрятно. Из трубы дым не шёл – хозяин явно сэкономил дрова. Хотя трудно экономить то, чего нет вообще. Сарай для дров был распахнут настежь и абсолютно пуст.

Хозяин дома, молодой человек, темноволосый и зеленоглазый, лет двадцати двух-двадцати трёх, сидел в столовой, она же кухня и гостиная, обложившись книгами и манускриптами различной толщины. Каштановые пряди падали на лоб. Лицо его, живое и умное, совершенно не вязалось с подчёркнуто скромным домиком. Такие лица чаще встречаются в библиотеках Магника, а не в забытом Создателем городишке на краю света. Молодой человек был занят напряжённой умственной работой. Он вдумчиво читал какой-то фолиант, иногда делая

пометки на полях. Заранее заготовленная свеча не горела, так как юноша старался взять всё от тускнеющего дневного света. Погрузившись в чтение, он не сразу услышал требовательный стук в дверь.

– Открывай, мастер Рилмок! – надсаживался Йозев. – Это мы, Йозев с Греттой! Из Фролина! Раненый у нас, мастер Рилмок!

– Спит поди, – сплюнула Гретта, – или пьяный валяется. Или по девкам пошёл...

– Да цыц ты, образина! Ещё мастер Рилмок услышит, как ты его тут приголубливаешь!

– Значит, опыты свои, Создателю противные, ставит!

– Да уймёшься ты ли нет... А-а, мастер Рилмок! Здоровычка вам! Это мы, Йозев и...

– Йозев и Гретта из Фролина. Да-да, я помню. Госпожа Гретта заказывала у меня отвар для горла. – Рилмок приветливо улыбнулся вошедшим. Про себя он благословил свой слух, всё-таки позволивший выяснить имена посетителей, не прибегая к вопросам. Остальное всплыло само.

Вид у гостей был, прямо скажем, не очень. Красный и запыхавшийся Йозев, его такая же красная, только от крика, супруга и за их спинами нечто, завернутое в мешковину. Семейная чета была явно взбудоражена и чего-то боялась. Рилмок недоуменно подумал, что пропустил какие-то важные события в Хельсвуде, но рукописи всегда поглощали его без остатка, почти не давая времени на остальные дела, даже на обустройство собственного быта. Чего уж говорить о нуждах селян, они к нему, конечно, приходили за отварами и примочками, но сам он, как ни собирался, все не удосуживался посетить городок и познакомиться поближе хотя бы со старостой. Вообще-то, за два года пора бы уже, но пока от излишнего любопытства спасала грамота Магнифика. Ещё полгода, и его послушание закончится. Можно будет, наконец, вернуться в Цитаделлу и принять сан хрониста Магнификата. Ещё полгода... Рилмок не признавался даже себе в том, что ждёт не дожждётся Дня Половины Года. Нет, его совсем не раздражали селяне, они были честные и глупые люди, озабоченные только своим урожаем и не знающие грамоты. Но иногда от отсутствия достойных собеседников хотелось выть. Считать достойными собеседниками Йозева и Гретту получалось с трудом. Однако невнимание к нуждам простых людей есть грех гордыни, а потому будущий хронист и нынешний лекарь поспешил к двери.

– Прошу вас, входите, – Рилмок подвинулся, освобождая проход, – не стесняйтесь, и расскажите мне, что вас привело сюда в такой спешке?

– Дык мы это... раненый у нас...

– Кхарь он на дороге нашёл болотную! – завопила Гретта, – Нашёл и вам притащил, куда ж ещё-то?

– Кхара? – Рилмок изумлённо воззрился на Гретту. – Раненого кхара? Здесь... в Хельсвуде? – сказать, что молодой лекарь был потрясён, значит, не сказать ничего. Он аж подпрыгивал от возбуждения. – Так что же вы медлите? Его надо немедленно перенести в дом!

– Так вот и я... – начал было Йозев.

– Немедленно!

Пока Рилмок суетился вокруг кхара, Йозев с Греттой бестолково стояли у стола, даже не пытаясь помочь. Йозев озирался вокруг. Уж сколько раз он ездил к мастеру Рилмоку за отваром от кашля, а всё равно не переставал удивляться. Как может человек прочесть столько книг? Они были повсюду, лежали стопками на столе, громоздились на стульях и сундуке, россыпью валялись на полу. Кроме толстенных томов в кожаных переплётах попадались какие-то свитки и отдельные листки, исписанные странным, витиеватым почерком. Сам Йозев читать умел, но плохо, по складам, он больше тяготел к таким понятным и полезным цифрам. Считал Йозев прилично, отчего его трудно было обхитрить. Дома лежала «Слава Создателя», он даже

осилил пару строф, но уж больно мудрёным слогом была написана священная книга. Йозев предпочитал ходить в храм и слушать проповеди брата Бертрана. Всё то же самое, но простым и понятным языком.

Задумавшись о книжном деле, Йозев понял, что пропустил какую-то часть разговора Рилмока и Гретты. Судя по всему, Рилмок что-то терпеливо втолковывал его несносной жёнушке.

– Кхары не едят младенцев, госпожа Фролинше! Кхары первые из детей Создателя, наделённые разумом и пришедшие на эту землю по Его воле! Их недаром называют водными стихиями, ибо они плоть от плоти Воды, первой стихии нашего мира. Они древний и мирный народ, живущий в Дельте сиречь Кхаридане. Именно кхары добывают так любимых нашим государем водных созданий, к примеру, белых каракатиц, вкусом сравнимых с самым нежным мясом птицы или кролика! Они также добывают жемчуг и благородный перламутр для украшения книг и реликвий! Самый ценный жемчуг, как вы знаете, многоуважаемая госпожа Фролинше, добывается как раз в Дельте, он имеет насыщенный пурпурный цвет и обладает свойством нейтрализовать многие яды. Знатные люди отдают огромные деньги за него, но, поверьте, он того стоит!

– У меня жемчугов нет, – сварливо заметила Гретта, – и всяко не будет. С таким-то муженьком. Вы мне лучше вот что скажите, господин мой лекарь, зачем это таким мирным и добрым тварям... тьфу ты, кхарам, шаландаться по нашим местам, да ещё с эдаким мечом? Всяко не перламутры добывать.

– Я не успел ещё подойти к этой теме, – лекарь мягко улыбнулся и продолжил аккуратно обмывать рану на голове у кхара. – Кхары славятся не только своим искусством ловли жемчуга и разных водных гадов. Они непревзойдённые наёмные охранники, единственные, кто может заметить в лесу эльфа со стрелой и опередить его. Их услуги дороги, гораздо дороже пурпурного жемчуга, и позволить себе их могут лишь герцоги да невероятно богатые люди. Один кхар в бою равен пятнадцати воинам-людям. Это очень, очень серьёзная охрана. И отдельно заслуживает упоминания их кодекс чести. Пока ещё никому не удалось перекупить кхариданского наёмника. Они неукоснительно следуют своей чести, поэтому-то ещё они так ценны. Человек, которого охраняет кхар, может спать спокойно в любой ситуации. Его не обманут, не предадут и его жизнь абсолютно вне опасности...

– Ну и пусть их, – Гретта покосилась на неподвижно лежащего кхара. Алебастровое лицо казалось посмертной маской, правый глаз закрывала повязка, из-под которой виднелся краешек рваного шрама. Старая рана, и страшная. Второй глаз был крепко закрыт. Дыхания почти не чувствовалось, тонкие хищные ноздри были практически неподвижны. Раненый был без сознания.

– А меч такой зачем, зелёный? Уж не чары ли на нём какие? – Гретта взволнованно охнула и отошла подальше от странного оружия.

– Нет, чар на нём нет, – покачал головой Рилмок, – Кхары не владеют магией, единственные из четырёх Повелителей Стихий, кого Создатель обделил этим даром. Не спрашивайте, почему, я и сам не знаю. Магия стихий Ветра, Огня и Камня мне известна, но неподвластна, как неподвластны людям сами эти стихии. Но магии Воды не существует, или же она была утеряна в незапамятные времена. Большого я не знаю. Но жители Кхаридана, сиречь Дельты, прекрасно обходятся и без магии. Их физическое совершенство так велико, что им нет нужды помогать себе заклятиями и амулетами. Они могут подолгу находиться даже на большой глубине, их слух острее, чем у эльфов, а выносливость такова, что позволяет им жить среди нас, людей, почти не испытывая недостатка в их любимой воде. Эта выносливость и стала залогом успешной службы кхар на поприще охранников.

– Ну, а меч-то?

– Не знаю, – покачал головой Рилмок. – Я много читал про эти мечи, у каждого кхара он свой и единственный. Меч и владелец меча как-то связаны между собой, но это не колдовство и не магия. Скорее это чувства близнецов, которые могут слышать мысли друг друга и испытывать схожие эмоции, даже будучи разделёнными немалым расстоянием. Нечто подобное я встречал в одном древнем свитке, магнифик Стелларий подробно описывал известные ему свойства меча кхар. Но и он не смог понять его природу. Сами же кхары на эту тему не говорят, да и среди них трудно найти собеседника. В Кхаридан нет дороги никому, кроме них самих, а у нас кхара можно встретить лишь в свите герцога или магнифика. Издали. Или... вот как сейчас. Простите, госпожа Гретта, кажется, раненый приходит в себя.

Гретта не стала дожидаться, пока кхар очнётся, и опрометью вылетела во двор, призывая Йозева быстрее выметаться и ехать домой. Несчастный торговец только и успел, что сунуть Рилмоку в руку пару монет за беспокойство и наспех пробормотать слова прощания. Гретта уже сидела в телеге и злобно раздувала ноздри. Её дородная фигура выражала всю ярость промедления. Спокойная ночёвка в Хельсвуде отменялась, и торговец с горечью плюнул на потраченные впустую деньги. Спорить было опасно, да и глупо. Уж если Гретта что-то вобьёт себе в голову, проще признать её полную правоту. Залог, так сказать, счастливой семейной жизни. Йозев вздохнул, забрался на козлы, и Рыжка потрусил дальше, домой, на тихий и спокойный хутор, где нет болотных тварей с их зелёными мечами, сумасшедших ведунов с книгами и тем более магнифика Стеллария.

Рилмок закрыл дверь за Йозевом и его женой и поспешил в комнату. Раненый кхар, мелко дрожа, пытался приподняться на руках. Рилмок торопливо подложил под спину валик из скатанной одежды. Кхар, а вернее, кхара, по тонким чертам лица молодой человек догадался, что это была женщина, откинулась на импровизированную подушку, приоткрыла глаз и прошептала:

– Где я?

Голос был хриплым, со странным горловым акцентом.

– Вы в Хельсвуде, досточтимая кхара, – Рилмок сам непроизвольно перешёл на шёпот, – Вы у меня в доме, я местный лекарь, зовут меня Рилмок...

– Хельсвуде? – женщина непонимающе завертела головой. – Где это... Хельсвуде?

– В Гроссе Хельс, досточтимая кхара, во владениях графа Сирке.

– Сирке? – Кхара явно была озадачена. – Что ещё за глушь?

– Мы находимся на отшибе, это верно, – торопливо кивнул Рилмок, – но позволено ли мне будет узнать...

– Что со мной? – голос кхары почему-то стал злее и твёрже.

– У... у вас пробиты голова и грудь. Я остановил кровь и наложил целебные повязки. Но вставать вам ещё нельзя, вы очень слабы и потеряли много крови. Необходим покой, хорошее питание и смена повязок каждые два часа. Тогда через месяц от ран не останется и следа.

– Через месяц? – кхара недобро прищурилась и попыталась встать. Вопль, который она издала, был слышен, наверно, во всём Хельсвуде. – Н-да, ты прав. Рановато ещё. Где ты меня нашёл?

– Вас нашли селяне по дороге из Гроссе в Хельсвуде. Вы лежали в кустах без сознания.

– Меч, – женщина нервно огляделась, – где мой меч?

– Здесь, здесь, – торопливо сказал Рилмок, – вот он, прислонен к стене. Я ничего с ним не делал, клянусь!

– Ну ещё бы, – кхара позволила себе болезненную усмешку, – попробовал бы ты. Я бы многое отдала за это зрелище.

Она хрипло вдохнула воздух и почти упала на тюфяк с сеном, служивший Рилмоку постелью. Было видно, что разговор давался ей с трудом. Из-под повязки опять начала сочиться кровь. Рилмок быстро протёр лоб чистой тряпицей и наложил свежую повязку, исподволь рассматривая раненую. Кхара тяжело дышала. Единственный глаз пристально оглядывал комнату. Глаз был большой, насыщенного фиолетового цвета и совсем без ресниц. Внутренне содрогнувшись, Рилмок отметил про себя мигательную перепонку, как у амфибий. Она поднималась и опускалась, пугая лекаря. Бровей у странной пациентки тоже не было, кожа казалась удивительно молодой и гладкой. Многие красавицы душу продали бы за такую кожу, если бы не жутковатый белый цвет, из-за чего лицо делалось похожим на посмертную маску. Губы тонкие и тоже белые. Как ещё успел отметить про себя Рилмок, женщина не имела волос на голове. Вообще. Никаких. Голова была лысой, как шар для игры в «ток-тук». Неприятная голова, хотя это дело вкуса. В Кхаридане, возможно, женщина производила фурор. Пересилив странное отвращение, Рилмок стал оглядывать кхару с ног до головы. Высокая, очень худая, но это не болезненная худоба, скорее, так выглядит сильный и поджарый зверь. Пальцы на руках длинные, тонкие, Рилмок не представлял эти руки сжимающими меч. Такие руки держат букеты полевых цветов или перебирают струны арфы. Но грубые мозоли на пальцах и хищно вытянутые ногти с металлическим отблеском ясно давали понять род занятий их обладательницы. Всё тело говорило, кричало, пело о войне. Рилмок заинтересованно наклонился над кхарой, рассматривая доспехи. Снять их у него так и не получилось, хоть он и искал застёжки или крючки; амуниция словно вросла в кожу. Пришлось накладывать повязку на грудь прямо поверх кольчуги. Как ни странно, кровь остановилась. Рилмок дорого бы дал за возможность раскрыть тайну доспехов, но обнадеживал себя мыслью, что спасённая им кхара сама расскажет об их удивительных свойствах. Доспехи казались продолжением кожи и были выполнены из странного чёрного материала, напоминавшего по виду крупную чешую. Открытыми они оставляли только голову и кисти рук. Рилмок пытался скоблить их пальцем. Палец скользил по гладкой, тускло блестящей поверхности, как по стеклу. Молодой человек был уверен, что, поскобли он ножом, эффект был бы тот же. На шее женщины с двух сторон виднелись чуть заметные полосы, три диагональных полосы, начинающихся от ушей и заканчивающихся у самого горла. «Жабры, – подумал Рилмок, – Создатель, это настоящие жабры. Б-р-р... Воистину, это нелюдь, и человек их никогда не поймёт.»

Кхара забылась тяжёлым беспокойным сном. Пусть она и её собратья бьют все рекорды выносливости, опережая даже медноголовых гномов из Медных же гор, но получить две глубокие раны, одну из них в голову, неизвестно сколько лежать без сознания и без помощи под запылённым кустом, – тут любой обессилеет. Рилмок укрыл раненую залатанным одеялом, и только тут понял, что даже не знает имени своей нечаянной гостьи.

Он ещё раз внимательно осмотрел спящую кхару, убедился, что она ровно дышит и поспешил к своим книгам. Рилмок отдавал себе отчёт в том, что ему выпал невиданный, уникальный шанс поближе познакомиться с загадочными и отстранёнными кхарами, более загадочными, чем эльфы, более отстранёнными, чем джайны, и более выносливыми, чем гномы с Медных гор. До сего момента все знания Рилмока о кхарах были суммированы в фолиантах магника Стеллария и пары его учеников. Фолиантам было лет по четыреста, но Рилмок был рад и этому. Обитатели Дельты слыли народом гордым, необщительным, никого и никогда не допускаящим в свои топи. Немногие торговцы, выбранные самими кхарами для продажи моллюсков и пурпурного жемчуга, обычно дожидались их на одном из островков на границе Дельты и Пурпурного моря. К ним выходил кхар, редко двое, отдавали товар, получали деньги и бесшумно растворялись во влажном дрожащем мареве. По уверениям торговцев, все они были на одно лицо, и лицо это красивым назвать было никак нельзя.

Свераясь со Стелларием, Рилмок выяснил, что жителей Кхаридана звали так же Детьми Волн, Первыми и Повелителями Глубин. Первое и третье Рилмоку было в общих чертах понятно, со вторым возникли сложности. Нет, он, конечно, знал историю Творения, но Первые, Вторые и так далее вплоть до Пятых казались ему просто историческими названиями, потерявшими свой смысл в веках. Но глядя на спящую кхару, Рилмок ощутил настоятельную потребность выяснить, что на самом деле подразумевалось под числовыми обозначениями. Стелларий тут был бесполезен, пришлось обратиться к более древним источникам, благо, у Рилмока имелась солидная кипа более-менее точных списков со старинных манускриптов. Вот и пригодилась его запасливость, хотя ментор Гокк очень удивлялся настойчивости юноши и стремлению утащить с собой в послушание чуть ли не всю доступную библиотеку. Рилмок решил не умствовать и начать с самого начала, то есть – с Истории Творения.

История Творения, если пересказать её в прозе, была весьма лаконична и проста. Сначала Создатель сотворил мир – небо, сушу, воду, заселил все доступные места живыми существами, но лишёнными разума. Создатель также определил четыре главные стихии – Воду, Камень, Огонь и Ветер, и создал стихиалей – властителей определённой стихии. Создавал Он их по очереди, и временные промежутки между появлением Первых и Четвёртых показались бы людям с их недолгой жизнью целой вечностью. Но то, что для людей вечность, для Создателя не более чем миг.

Кхары были первыми разумными творениями Создателя, так и закрепилось за ними в веках имя Первые. Они вышли из необъятных глубин Океана и расселились по всей земле, где было хоть немного воды. Но больше всего Первым приглянулась Дельта – огромный клубок рек и речушек, впадающий в море, тогда ещё не носившее имя Пурпурное. Там было всегда влажно, в рукавах рек в изобилии водилась рыба и водные гады, а посередине Дельты, закрытое от остального мира, голубело холодное и неподвижное озеро, окружённое вековыми чёрными деревьями. Кхар-ад-Дан, сердце Кхаридана.

Водные стихиаля не имели собственной магии, как пришедшие вслед за ними. К чему магия, когда единственными разумными существами на земле были только они? Говорили разное, будто кхары умеют говорить с волнами и призывать огромные стоячие водяные валы, будто бы у них есть место, более секретное, чем Кхар-ад-Дан, что называется оно Кадын-Кее и в этом месте скрыта истинная сила кхар. В эти рассказы Рилмок не верил. У существ, не владеющих магией, не может быть никаких тайных мест и сил, всё, чего добивались кхары, они добивались собственным упорством. Эпоха Волн была долгой, очень долгой, но, наконец, её сменила Вторая Эпоха – Эпоха Камня.

Вторыми детьми Создателя стали гномы – непревзойдённые знатоки камней, металлов, минералов, всего того, что скрыто под землёй. Они были полной противоположностью кхарам, словно Создатель решил пошутить. Маленькие, коренастые, большеголовые, они разительно отличались от тонких и гибких кхар. Гномы не умели плавать, зато прекрасно ориентировались в пещерных туннелях и других подземных ходах. На поверхность они выходили редко. Про главную гномью гору, Аргоррот, ходило тоже немало слухов, но они так и оставались слухами, потому что таинственную гору никто и никогда не видел.

Никто не знал, враждовали ли гномы с кхарами в те незапамятные времена. Магнифики сходились в мысли, что нет, так как жили Первые и Вторые в слишком разных условиях и делить им попросту было нечего.

Зато гномы были первыми, наделёнными магией. Они действительно могли вызывать обвалы и землетрясения, заставляя сходить сели и извергаться вулканы. В то время земля в прямом смысле ходила ходуном. Юные каменные стихиаля вовсю испытывали свои способности. Грохот и треск не прекращался много десятилетий, катились с гор камни, разверзалась земля, пепел с ревущих вулканов покрывал все окрестности толстым седым слоем. Трудно ска-

зять, сколько бы продолжалась эта вакханалия. Но как детям часто надоедают новые игрушки, так и гномы, вдоволь натешившись, охладели к буйным забавам и ушли в тёмные пещеры, где властвует вечный мрак.

Кхары умудрились пережить гномье буйство без существенных потерь. То ли Дельта располагалась в равнинной местности, то ли сердце Кхаридана и вправду оберегало своих жителей, но разрушений и обвалов удалось избежать. Гномам была неподвластна Вода, и сокрушительные волны так и не пронесли над Кхариданом. Шло время, земля успокаивалась, и, наконец, наступила Третья Эпоха. Эпоха Огня.

Все летописи, когда-либо прочитанные Рилмоком, хором утверждали, что нет более загадочного и непостижимого народа, чем джайны. Огненные стихии, они жили в раскалённых пустынях к востоку от Подлунного Хребта. Их почти никто и никогда не видел, поэтому описания внешности джайнов оставалось на совести авторов. Кто-то изображал их огненными сгустками, кто-то – стройными людьми с пламенными очами и искрящимися волосами, кто-то вообще считал их невидимыми. Рилмок, потратив много времени на раздумья, решил, что, скорее всего, джайны тоже имеют две ноги, две руки и одну голову, как все разумные творения Создателя. Возразить ему было некому. Джайны так же назывались Третьими по очередности прихода в мир. Магия их была неподвластна и не изучена, Рилмок думал, что они могут швыряться огненными шарами и воспламенять взглядом. Ему опять никто не возражал.

Отношения между тремя народами История Творения характеризовала как ровные и отстранённые. Создатель в великой мудрости своей расселил столь различных по сути своей существ так далеко друг от друга, что столкнуться нос к носу, а тем более что-то не поделить им было бы ой как сложно. Топи Кхаридана не привлекали гномов, а на джайнов должны были наводить ужас. Кхарам же было вовсе несподручно навешиваться в пылающий Джайнмур. Гномы вольготно располагались в своих пещерах и не горели желанием ни в воду лезть, ни в огонь.

Оставались незаселёнными только пышные дубравы в самом сердце земли. Зелёный лесной ковёр простирался от Дельты до порогов Подлунного Хребта, но ни кхарам, ни гномам, ни джайнам он был не по душе. Слишком сухо для Первых, слишком ровно для Вторых и сыро для Третьих. Неудивительно, что в конце концов появились Четвёртые.

Вольные эльфы, стихии Ветра, были излюбленными героями всех летописей и баллад, когда-либо написанных людьми. Красота предпоследних детей Творца поражала. Высокие, стройные, с буйной гривой волос, они были больше всех сходны с людьми, только казались сотканными из дуновения ветерка. Точёные лица и грациозная походка восхищали людей, отчаянно стремившихся быть хоть чуточку похожими на порывистых детей Ветра. Эльфы о своей привлекательности знали прекрасно и весьма ею гордились. Они были четвёртыми и до появления людей последними созданиями Творца. Неудивительно, что, гордые и заносчивые по натуре, они сочли себя венцом творения.

Эпоха людей ещё не наступила, но четыре стихии пришли в этот мир. Дальше История Творения внезапно становилась очень путаной и невнятной. Как понял Рилмок, с трудом продираясь сквозь архаичные речевые обороты, пропуски целых абзацев и внезапно появляющиеся россыпи не связанных между собой букв, четыре народа всё-таки что-то не поделили. Что именно, понять было невозможно, так как из книги было абсолютно вульгарным образом выдрано несколько страниц, причём очень давно. Притягивая за уши строчки с разных мест, Рилмок кое-как понял, что началась какая-то жуткая, запредельная война всех со всеми с применением любой доступной магии. Земля ходила ходуном почище, чем во времена Второй Эпохи. С неба падали камни, реки наполнялись пламенем, а целые рощи проваливались во внезапно разверзшиеся пропасти и трещины. Сколько погибло животных, птиц и рыб, подсчёту не поддавалось, да и считать было некому. Война длилась несколько сотен лет. Рилмок был уверен, что за это время должны были погибнуть все четыре народа без остатка, но стихии

были гораздо крепче Рилмоковых догадок, и стереть их с лица земли оказалось не так-то просто. Силы Четырёх были равны, хотя Рилмок и не мог понять, как выжили посреди пылающей и трясущейся земли не владеющие магией кхары. Но так или иначе, продолжать войну не было ни сил, ни смысла. Все разумные доводы были за перемирие, но его тоже не случилось. Воюющие стороны огрызались друг на друга, но флаг мира никто не поднимал. Кончилось всё тем, как понял Рилмок, что Создатель призвал к себе по одному с каждой противоборствующей стороны и имел с ними некий разговор. Во всё это Рилмоку трудно было поверить, особенно в разговор с Создателем, но после него война действительно прекратилась и стихии разбежались каждый в свой угол. Собственно, как было и до противостояния. В Истории Творения по этому поводу упоминался загадочный Вердикт Четырёх, но подробностей Рилмок найти не смог, как ни старался.

Потерев воспалённые от долгого чтения глаза и отложив фолиант, Рилмок снова повернулся к кхаре. Она всё ещё спала. Он подошёл к тюфяку и долго смотрел на Первую. У него в голове не укладывалось, что это существо появилось за многие тысячи лет до прихода людей. Рилмоку показалось, что он видит настоящих хозяев этой земли, ведь все, кто пришли после, пришли после.

Глава II

Светало. Рилмок сам не заметил, как прошла ночь. Раненая лежала тихо, лишь иногда постанывая во сне. Огарок свечки совсем съёжился, остался только маленький кривой фитилёк. Рилмок плюнул на всю экономию и сжёг несколько свечей во время чтения Истории Творения. Никогда он ещё не читал её с таким интересом и даже не подозревал, насколько известная всем книга может быть увлекательной. Правда, загадок она подкинула больше, чем ответов. Рилмок снова прокрутил в голове прочитанное, со вздохом признал, что всё равно знает про кхар ничтожно мало, и пошёл готовить завтрак.

На завтрак была тыквенная каша. Собственно, она же была на обед и на ужин. На Рилмоковом огороде выросла почему-то только здоровая тыква размером в три его головы. Остальные посадки мирно засохли, хотя Рилмок исправно их поливал. Правда, были ещё крыжовник и смородина, но из них каши не сварить. Рилмок пересчитал свои сбережения, понял, что на молоко и тем более на мясо катастрофически не хватает, и уныло поплёлся варить осточертевшую тыкву.

Сняв с огня котелок с мутно-жёлтым варевом, Рилмок снова заглянул к кхаре. Та спала. Юноша не решился её будить и начал завтрак в одиночестве. Но, видимо, запах еды всё-таки достиг ноздрей кхары, потому что с тюфяка донёлся тихий стон. Рилмок вскочил, подхватив котелок с остатками каши, и подбежал к раненой. Она умудрилась практически сесть на постели и в упор глядела на Рилмока единственным глазом. Он поёжился. Жуткий глаз, казалось, смотрел прямо в его душу и тем не менее сквозь него, как будто он был прозрачным. Кое-как оправившись от неприятного чувства, Рилмок положил на тарелку каши, протянул её кхаре и отошёл на пару шагов. Кхара удивлённо посмотрела на содержимое тарелки, осторожно зачерпнула ложкой малюсенькую порцию и отправила в рот. Через секунду её уже выворачивало жёлто-зелёной желчью прямо на пол перед постелью. Тарелка отлетела в сторону, и каша желтоватыми сгустками повисла на стенах и полках. Кхару рвало долго и мучительно, пока не кончилась желчь. Ещё минуту она мучилась пустыми спазмами и, наконец, затихла, свесив голову вниз. Рилмок в ужасе вжался в стену. Он судорожно соображал, что делать. Главное, что вроде бы не открылись раны и не пошла снова кровь, но чем кормить пациентку теперь стало абсолютно непонятно. Каша, конечно, не изысканные донные уточки, но больше ничего нет. Крыжовник Рилмок твёрдо решил не предлагать.

– Это что за дрянь? – прохрипела кхара, как следует отплевавшись. На её лице остались следы рвоты. Рилмок осторожно обтёр её рот и щёки влажной тряпицей и вздохнул:

– Тыквенная каша.

– Перепрела и сгнила?

– Нет. – Рилмок удивился. – Только выросла.

– Значит, в вашей глуши даже тыквы ядовитые.

– Почему ядовитые? Я всё время ем эту кашу...

– Святой. – Кхара скорчила нечто, напоминавшее ухмылку. – Аскет и мученик. Я знаю, некоторые из вас сходят с ума и добровольно отказываются от пищи или едят всякое дерьмо типа цикад. Я этой вашей религии не придерживаюсь.

– Да, я понимаю, – Рилмок покаянно опустил плечи, – но у меня больше ничего нет. Только смородина и крыжовник.

– Не усугубляй страдания, – наставительно подняла палец кхара, – я лучше от ран сдохну. Рилмок заметил, что говорить его пациентке стало легче, она даже пыталась шутить.

– Вы не умрёте от ран, – твёрдо сказал он, – вам уже значительно лучше, я вижу. Вчера вы даже сесть не могли. Ещё несколько недель, и вы полностью поправитесь...

– Кхары без пищи могут прожить две недели, – сообщила та, – без воды значительно меньше, но вода-то у тебя, надеюсь, есть?

– Вода! Да-да, конечно! – Рилмок мысленно обозвал себя тупицей. – Сейчас принесу. Горячей, холодной?

– Любой.

Рилмок приволок с кухни чайник с почти остывшей водой, и кхара жадно припала к носику. Глотательных движений она не совершала, казалось, вода просто льётся струёй ей в горло. Напившись, она поставила чайник на пол, стараясь не попасть в лужу рвоты, откинулась на подушку и удовлетворённо выдохнула:

– Ну вот, жить стало значительно лучше и веселей.

Она скосила глаз на лекаря. Рилмок прибежал с тряпкой и вытирал следы неудавшегося завтрака. Кхаре стало его немного жалко.

– Сядь. – сказала она тихо, но в голосе звучал металл. Рилмок повиновался.

– Сядь и не мельтеши. Прежде всего, ты вообще кто?

– Я Рилмок. Здешний лекарь. Городок наш называется Хельсвуде, он находится во владениях графа Сирке.

– Ни о чём не говорит. – Кхара вымученно улыбнулась. – Видно, есть ещё места в нашем благословенном Создателем мире, куда не ступала нога кхар. Ладно. Разберёмся. Я не представлялась. Меня зовут Алейт.

– Алейт? – Глаза Рилмока возбуждённо заблестели. – Так звали телохранителя последнего Интериора.

– Какой начитанный мальчик, – прищурилась кхара, – да, всё верно. Телохранитель последнего Интериора, вы ещё зовёте его Пропавшим Королём. Алейт – весьма распространённое у нас имя, к тому же оваянное славой. Мой отец хотел для меня того же. Частично ему это удалось. Хорошо. С этим покончили. Исторический экскурс будем проводить позже. Моя сумка у тебя?

– Да, – Рилмок снял с гвоздя кожаную сумку, туго зашнурованную и завязанную каким-то непривычным узлом. Вчера он снял её с бесчувственного тела и повесил рядом с мечом. Сумка была довольно увесистой.

– Дай сюда, – Алейт требовательно протянула руку. Быстро развязав узел, она пару секунд шарила в сумке, потом достала кошель из странной блестящей кожи и кинула его Рилмоку.

– Бери. Сходишь на рынок или что там у вас, купишь еды. Побольше. Себе и мне. И вина какого-нибудь поприличней.

– Я не могу это взять, – Рилмок торопливо отступил к стене, – это лишнее. У меня есть деньги, я сейчас же схожу на рынок...

– Бери и не умничай. Твоё богатство аж глаз режет. Иди и купи еды, тебе она нужна не меньше меня.

– Я не могу это взять, – повторил Рилмок, предательски косясь на кошель. Судя по весу, там было очень много денег, скорее всего полновесным золотом. Такую сумму Рилмок не мог представить в принципе. Ему ужасно хотелось взять деньги, но совесть возобладала. Он ещё раз мысленно провёл черту между скромностью и бедностью, понял, что стоит уже перед гранью самой настоящей нищеты, но нашёл в себе силы посмотреть Алейт в глаза. Вернее, в глаз.

– Я не возьму ваших денег. Я всё куплю сам.

– А ну бери и не выдрючивайся! – прикрикнула кхара. – Если тебе непременно нужно проявлять самопожертвование, можешь пойти и утопиться во славу Создателя. Но сейчас я твой пациент, ты мой лекарь и должен получать соответствующую плату. Лечить высшую кхару – удовольствие изысканное и весьма накладное, так как высшие кхары очень капризны. Так что марш на рынок. Не волнуйся, много ты не потратишь. Сдачи не будет.

– Вы... вы высшая кхара?! – Рилмок не мог поверить в услышанное. – Но ведь...

– О моих недостатках поговорим за ужином.

Рилмок быстро оделся и замер, не зная, куда лучше спрятать кошель. Золото жгло руки и предательски оттягивало карман. Он перепрыгивал кошель раз за разом, но ему всё казалось, что все окружающие немедленно его заметят. Кошель выпирал спереди, становился горбом сзади, неприлично вис в штанах и совершенно не помещался в шляпе. Куда девать проклятущее золото? Наконец, Рилмок нашёл выход. Он вынул из кошелья три монеты (староинтерские тиалы! Красное золото!) и аккуратно положил оставшееся в кожаную сумку. Алейт полуприкрытым глазом проследила за его манипуляциями, но ничего не сказала. Теперь тиалы легко поместились в кармане, куда Рилмок немедленно засунул руку и сгрёб монетки в кулак. Руку он решил из кармана не вынимать вовсе.

Дойдя до главной площади Хельсвуде, Рилмок остановился в замешательстве. Куда пойти? На рынке, занимавшем всю правую сторону площади длинными деревянными лотками, он пару раз был, но там легко можно было нарваться на несвежую пищу. Мухи, вившиеся над торговыми рядами, красноречиво об этом свидетельствовали, тем более, что погода установилась жаркая и безветренная. Конечно, откровенно порченный товар сложно найти даже там, торговцам тоже не нужны лишние проблемы, но мясу и рыбе с рынка Рилмок как-то не доверял. Потом решил, что там ему никто не сможет дать сдачи с поновесного тиала. И совсем не хотелось объяснять проклятущим лоточникам, откуда у вечно нищего лекаря такие деньги. Про кхару Рилмок решил никому не рассказывать.

Можно было зайти на постоялый двор к господину Никусу. «Оранжевый Осёл» славился отменной кухней, овощи выращивались на особом огороде на заднем дворе, а вино Никус закупал у торговцев с самого Фолта. Половина жителей Хельсвуде выращивала скотину специально для нужд «Оранжевого Осла», и там просто невозможно было нарваться на некачественную кухню. Хельсвуде располагался прямо на дороге из Фолта в Гросс, и народу в «Осле» всегда было много и из самых разных уголков герцогства. К тому же сказывалась близость Магнификата. Паломники тоже хотят кушать и далеко не все из них аскеты, по выражению Алейт, питающиеся цикадами. «Оранжевый Осёл» процветал и золотые тиалы видел всяко чаще визгливых баб с рынка. Решено, Рилмок уверенно направился к постоялому двору.

Внутри «Оранжевый Осёл» казался даже больше, чем снаружи. На первом этаже располагался огромный зал с рядами длинных дубовых столов и массивных стульев. Кроме общего зала Никус обустроил небольшие комнатки с ширмами, где могли посидеть особо обеспеченные постояльцы за приватным разговором. На потолке красовалась самая настоящая бронзовая люстра с несколькими сотнями свечей, а не обычное для постоялых дворов колесо от телеги с парой-другой подсвечников. Стены были украшены шпалерами с изображениями диковинных зверей и птиц. Никус никогда не опускался до вульгарности и строго пресекал попытки помощников повесить хотя бы одну шпалеру на фривольную тему. «Оранжевый Осёл» был местом солидным и выглядеть обязан был соответственно.

Рилмок набрал в грудь воздуха и зашёл в общий зал. Огромным усилием воли заставляя себя не пялиться по сторонам, он подошёл к резной деревянной стойке, за которой стоял помощник Никуса Филкис. Он приходился Никусу двоюродным племянником, но был похож на последнего как две капли воды, разве что Никус был постарше лет эдак на тридцать.

– Чем могу служить? – Филкис выглянул из-за стойки и удивлённо улыбнулся. – Мастер Рилмок? Вот уж не ожидали! У вас приватная встреча? Проводить вас в за ширму?

– Нет, – Рилмок почувствовал, что краснеет. Он никогда не умел разговаривать с трактирщиками и им подобными. Их масляная услужливость вводила его в лёгкий ступор. Вот и сейчас Рилмок безуспешно пытался подобрать нужные слова. Монеты в кармане жгли руку

немилосердно. «Правду говорить легко и приятно», послышался ему насмешливый голос кхары. Он зажмурился на мгновение, а потом самым твёрдым голосом произнёс:

– Мне нужно купить еды. Много и самой лучшей. И дюжину бутылок фолтского красного. И вашей знаменитой ракитницы на меду. Тоже дюжину.

Филкис воссиял как отполированный золотой самородок, и, ничем не выдавая удивления, подхватил Рилмока под руку и потащил в кладовую. Маленький и толстенький, он трещал не переставая, так, что Рилмок не успевал понять и половины слов.

– Мастер Рилмок, мы с дядей всегда знали, что у вас отменный вкус! Помилуйте, скромность вас украшает, но нельзя всё время отдаваться работе, никак нельзя! Вам необходимо попробовать нашу копчёную свинину с белым перцем! Фолтское красное буквально на днях завезли! Вы будете в восторге, такого букета им не удавалось достичь лет, наверное, десять! Ещё есть кролики и разнообразная дичь! Не согласитесь ли отведать фазана в винном маринаде? Это шедевр дядюшки Никуса! Ах, поверьте, мы так рады, так рады, что вы к нам, наконец, заглянули! О, вот висят перепела, чудные, жирные перепела, вам они должны быть по вкусу!..

– Мне нужна рыба, – перебил Рилмок, стараясь вытащить свою руку из цепких лап торговца, – много свежей рыбы. И донные уточки.

Филкис остановился так резко, что чуть не упал, а вместе с ним чуть не упал и Рилмок. Трактирщик сдул невидимую пылинку с куртки юноши и благоговейно воззрился на него. Рилмок понял, что сморозил какую-то глупость, за которую сейчас придётся отвечать. Круглые щёчки Филкиса излучали сияние, в глазах застыло выражение блаженства.

– Мастер Рилмок желает донных уточек! О-о-о! Блюдо, достойное нашего возлюбленного герцога, да будет долгим его правление! Мастер Рилмок, ваши слова навсегда останутся в моём сердце! Как я мог предлагать вам перепелов?! Ваш вкус безупречен, вы пролили бальзам на мои раны! Ах, так немного людей сейчас могут по достоинству оценить этих малюток! Мы немедленно идём к бассейну!

«К бассейну?!» Храни Создатель, это что, те самые крошечные ракушки, которых перевозят живыми в специальных бочках и пригоршня которых стоит больше двух коров?! Баснословно дорогой деликатес с герцогского стола?! Знаменитые «водные лакомства Кхаридана»?! Рилмок в ужасе попятился было, но Филкис держал его цепко. Круглый трактирщик безостановочно восхвалял вкус молодого господина, несомненно, подсчитывая в уме прибыль. Прибыль обещала быть весьма хорошей. Рилмок тоже попытался представить свои расходы, но вместо этого перед глазами возникло белое лицо кхары и её бескровные губы. Молодой лекарь понял, что битву проиграл. Теперь надо было идти ва-банк.

Он вытащил три тиала и положил перед Филкисом. Тот при виде староинтерских монет часто задышал. Щёчки его налились румянцем. Рилмоку стало противно, но отступить было некуда.

– Этого хватит на уточек, рыбу и вино?

Филкис задумался.

– Полтора тиала за ведро уточек, полтиала за свежую рыбу на вкус молодого господина, а оставшийся тиал за вино и ракитницу. – наконец вынес он вердикт. Рилмок чуть не хлопнулся в обморок. Переведя дух, он опять вспомнил лицо Алейт.

– Грабёж, – он постарался придать голосу металл. – Господин Филкис, я ещё могу согласиться с ценой за ведро донных уточек, но тиал за две дюжины бутылок – это произвол! А рыбу за полтиала мне придётся везти на телеге, если мы с вами думаем об одной и той же рыбе. Если я не хожу в ваше заведение, это не значит, что я не знаю цен. Мой пациент, для которого я покупаю еду, господин обеспеченный, но даже он не поймёт моей расточительности. Извольте сказать настоящую цену.

Филкис сопел. Он редко видел Рилмока и никогда с ним не говорил, но чутьё подсказывало помощнику дядюшки Никуса, что молодой человек в роскоши не купается и донных уток не пробовал. Филкиса задело, что он не смог с первого раза облапошить лекаря. Интересно, что это у него за пациент? Жители Хельсвуде обычно рассчитывались с Рилмоком едой, потому что юноша явно голодал в своём послушании, а огород его был притчей во языцех. Все мало-мальски обеспеченные господа останавливались в «Оранжевом Осле», но из постояльцев, насколько Филкис знал, никто не хворал. Филкису очень захотелось выяснить, что же это за таинственный пациент. Если он платит старointерскими тиалами, его место в лучшей комнате «Оранжевого Осла», а не в каморке у лекаря. Толстячок решил произвести разведку.

– Молодой господин прав, каюсь. Но ведь получение прибыли – это наша работа, нельзя удержаться и не поднять цену хоть чуть-чуть! – Он умильно заглянул в глаза Рилмоку. – У вас будет ведро донных уток, дюжина фолтского, дюжина рацитницы, хлеб, сыр, наша особая копчёная свинина с белым перцем – три ноги, овощи на выбор молодого господина, все свежие, ещё на огороде, три бочки свежей рыбы и комплимент от дядюшки – наш знаменитый пирог с крольчатинной! И у вас ещё останутся деньги нанять телегу, которая привезёт вам все это великолепиие!

– Сколько? – устало спросил Рилмок. Он догадывался, что теперь Филкис его не обманывает, хотя перемены настроения трактирщика не понял.

– Два с половиной тиала.

– Что ж, думаю, ты меня не очень сильно обсчитал, – Рилмок сжал руку в кармане. – Ты сможешь дать сдачу в полтиала?

– Это можно устроить, – кивнул Филкис, – вам разменять серебром или вы примете и медь?

– Половину серебром, половину медью. – решил Рилмок. – И туда же включи телегу. Я буду ждать в общем зале. Когда всё погрузите, позовите.

Филкис расплылся в профессиональной улыбке и, проводив Рилмока в общий зал, скрылся в глубинах кладовой.

Рилмок сидел за столом в одиночестве в ожидании заказа и потягивал пиво. Пиво в «Осле» варили отменное, и молодой лекарь решил, что Алейт не очень рассердится, если он позволит себе кружечку. Народу в общем зале в этот час почти не было, только за одной из ширм колыхались чьи-то тени, да в противоположном углу степенно насыщался какой-то зажиточный господин с роскошными усами. Рилмок сделал ещё глоток и принялся разглядывать шпалеры. Ближайшая к нему изображала битву странных звероподобных существ с человеческими торсами с огромным спрутом, размахивающим своими щупальцами. Полулюди-полужвери метали в него копья. Несколько копий спрут поймал и держал в щупальцах, высоко их подняв, остальные же жадно протягивал к противникам. На чьей стороне удача, было непонятно. Рилмок знал, что таких животных в природе не существует, хотя насчёт спрута не был уверен полностью. Надо будет спросить у Алейт.

Он так задумался, что не заметил, как к столу подошёл сам дядюшка Никус в ослепительном переднике. На голове его возвышался внушительных размеров белый колпак, пышные седые усы лукаво выглядывали из фамильных щёк. Дядюшка Никус лучился радушием не хуже своего помощника, но делал это как-то... степенно. Он неторопливо подошёл к Рилмоку и прогудел:

– Добро пожаловать в «Оранжевый Осёл», господин лекарь. Вы нас не балуете своими визитами.

– Мне нужно было купить еды для своего пациента.

– Да-да, Филкис уже упаковывает пирог и сейчас примется за вино. Ваш пациент, судя по всему, человек весьма обеспеченный.

– Да, – Рилмок кивнул, – он хорошо платит. У не... него два глубоких ранения, он потерял много крови и сильно ослаб. Ему необходима хорошая пища и покой. Тогда можно будет надеяться на лучшее.

Рилмок старался говорить твёрдо и слегка безразлично. Он не хотел, чтобы в гостинице узнали про кхару, хотя после его сегодняшнего заказа от любопытных не будет отбоя. Филкис первым растреплет о богатеньком незнакомце. Грабежа Рилмок не опасался, вид кхары отпугнёт любых воров, но Алеит вряд ли бы понравилась излишняя любознательность и настойчивость. Рилмок приготовился дать бой дядюшке Никусу.

– Простите за любопытство, господин лекарь, но кто он, ваш пациент? Не сочтите за бестактность, но все обеспеченные господа останавливаются в «Оранжевом Осле». Вашему гостю наверняка понравилось бы у нас.

– Несомненно, – Рилмок кивнул, – но сейчас он ещё очень слаб и не встаёт с постели. Ему необходимо менять повязки и поить специальными отварами. Если мой пациент впоследствии решит перебраться в более удобное место, я ему сразу порекомендую «Оранжевого Осла».

– Благодарю за лестную оценку, – владелец гостиницы присел на соседний стул, – но кто же он, ваш таинственный гость? Он из свиты герцога?

– Он путешествует инкогнито. – Рилмок надеялся, что его глаза не слишком бегают, – цели его пути я не знаю. Мне его привезли в бессознательном состоянии, сейчас, хвала Создателю, он уже может говорить. Большого я вам не сообщу.

– Что ж, будем надеяться на то, что ваш гость посетит наш постоянный двор, прежде чем снова двинется в путь. Ваш заказ готов, господин Рилмок. Телега стоит у входа в гостиницу. Передайте вашему пациенту самые искренние пожелания здоровья. Мы все будем молиться за его выздоровление.

Рилмок кивнул, расплатился за пиво и вышел на улицу.

– Хм-м... – Алеит заинтересованно разглядывала из окна телегу, нагруженную припасами. Кучер помогал Рилмоку разгружать. Алеит краем глаза заметила характерное выпуклое ведро с краю телеги и усмехнулась. Мальчик воспринял её совет слишком буквально. Что ж, заодно научим его есть донных уточек.

Рилмок буквально ворвался в комнату.

– Я всё купил! Там полно рыбы, есть свинина, овощи, сыр, пирог...

– И донные уточки.

– Да, – Рилмок опустил глаза, – я... я не знаю, что на меня нашло. Мне показалось, вы любите уточек... Но я... Ваши деньги...

– Уточка – это хорошо, – сообщила Алеит и осторожно, стараясь не производить лишних движений, села на постели, – уточек есть необходимо, ибо только так понимаешь истинный смысл жизни. Сегодня у нас будет пир. Ты купил вина?

– Да, красное из Фолта.

– Белое подошло бы лучше. Ну да ладно. Ну что ты на меня смотришь, как магнifik на Создателя? Деньги существуют для того, чтобы их тратить. Ни на что большее они не годны. Я смотрю, цены тут не очень кусаются.

– Помощник трактирщика хотел меня обмануть, – признался Рилмок, – но потом отчего-то передумал.

– Н-да? Странно, непохоже на них. Ты им что-то рассказал?

– Я сказал, что у меня пациент, которому необходима хорошая еда.

– Тогда всё понятно. Они просто-напросто хотят, чтобы мои оставшиеся тиалы были потрачены в их гостинице. Если бы помощник тебя обманул, ты бы не стал мне рекомендовать их сарай, верно?

– Я бы его и так не стал бы рекомендовать, – Рилмок насупился, – это место вам совершенно не подходит.

– Вот как. Что ж, наверно, ты прав. Высшей кхаре действительно нечего делать в захламленном постоялом дворе, даже если там есть донные уточки. Кстати об уточках. Тащи их сюда.

Рилмок, спотыкаясь, волок ведро с уточками, которые плавали в холодной воде с кусочками льда. Ведро было тяжелым, его выпуклые бока больно ударялись о ноги, которые и так уже были залиты ледяной водой. Знакомство с донными уточками началось не лучшим образом. Рилмок проклинал себя за неуклюжесть, а заодно и за трусость. Начать разговор с Алеит о высших кхарах он не решался, а хотелось до дрожи. Легендарные высшие, охранники королей и хранители Кхар-ад-Дана, казались Рилмоку существами абсолютно мифическими, магнифик Стелларий в своих записях упоминал о них очень скупно, но легенд вокруг тайных повелителей Кхаридана за века расплодилось невероятное множество. Говорили, что их мечи отбивают стрелы, а сами высшие кхары могут парализовать взглядом. Судя по тому, что Рилмок до сих пор перемещался на своих двоих, эта часть легенд была не слишком состоятельной. К мечу молодой человек не подходил вовсе, он пугал и завораживал, как пугают и завораживают тёмные глубины озёр, в которые нестерпимо хочется прыгнуть, чтобы больше никогда не увидеть солнце. Ещё он читал, что всякий высший кхар имеет на затылке татуировку своего клана, которых Стелларий насчитал тринадцать. Рилмок решил, что за ужином постарается незаметно рассмотреть затылок Алеит. Но сначала надо дотащить проклятое ведро до комнаты.

– Нет, не так. Смотри, – Алеит ловко подцепила ракушку пальцем, резко сжала и провела острым ногтем по линии, где смыкались створки. Что-то легонько чавкнуло, и ракушка раскрылась. Внутри находился розово-серый комочек, слегка подрагивающий, влажный и не очень-то аппетитный на вид. – Берёшь, проводишь по стыку и готово. Ешь.

Рилмок упорно ковырялся со своей ракушкой. Нож никоим образом не хотел попадать в стык и постоянно соскальзывал. Разломать донную уточку руками не получалось. Алеит с усмешкой наблюдала за его потугами.

– Ешь, говорю. И оставь ты свою зубочистку, всё равно не расковыряешь. Тут нужен специальный прибор.

– У меня его нет, – пропыхтел Рилмок, – да я уже почти открыл...

– Дай её сюда. Дай сюда, говорю, не мучь животных. – Алеит отобрала у него раковину и быстро вскрыла ногтем. – Ладно, так и быть, вскрою все. Это пища изначально не предназначена для ваших кривых лап. Тут нужен напор и нежность одновременно. Чпок! Видишь, как всё просто.

Рилмок сдался и принял из рук кхары раскрытую ракушку. Комочек внутри едва заметно шевелился. Юношу передёрнуло.

– Она... оно что, живое?!

– Пока да, – Алеит невозмутимо вскрывала остальных уточек, – но советую тебе прекратить её страдания.

– Я не могу это есть. Оно шевелится.

– Налей вина, закрой глаза, поднеси уточку ко рту и резко втяни в себя. Потом прожуй.

– Я...

– Резко в себя.

Рилмок покорно высосал уточку из её домика и блаженно закрыл глаза. Донная уточка обладала каким-то доселе невиданным вкусом, она была мягкой, но не скользкой, и её мясо почему-то отдавало ванилью. Рилмок проглотил и промычал что-то неразборчивое.

– Оценил, да? Сильные мира сего весьма уважают донных уточек за их вкус и нежность. Одна из основных, так сказать, статей ввоза в мир внешний.

Рилмок кивнул, не особенно вслушиваясь, взял ещё одну уточку и с тем же удовольствием её съел. Уточка была совсем небольшие, величиной с грецкий орех, и мяса в них было немного. На седьмой уточке Рилмоку стало стыдно. Он отодвинул ведро и задумчиво вытянул ноги.

– Что, наелся, что ли? – Алейт удивлённо покосилась на него, не переставая вытягивать уточек из их раковин. – Ешь, они долго не лежат.

– Я предался греху чревоугодия.

– Чего? Выкинь эту блажь из головы. Тебя надо откармливать, одними уточками тут не обойтись. Ешь, кому сказала! Чтобы хорошо лечить, лекарь должен быть здоров и сыт. Где тебе так прочистили мозги? Или тыквенная каша влияет на разум? В таком случае ты её больше есть не будешь. Ну, рассказывай, что это за место, где нельзя невозбранно есть донных уточек?

Рилмок молчал. Против воли он представил себе укоризненные взгляды братьев по Магнификату. Хотя в Цитаделле строгой аскезе предавались лишь монахи, роскошью стол магнификов никогда не отличался. Служение Создателю в любом его проявлении подразумевало разумную ограниченность в еде и прочих мирских радостях. Некоторые братья, впрочем, нестрого следовали заветам пастырей и даже умудрялись заводить семьи, но Рилмок их открыто презирал, а втихую слегка завидовал. Он понимал, что его сегодняшний пир во многом обязан странной гостье, но та лёгкость, с которой Рилмок принял и деньги, и баснословный деликатес, неутомимым червячком грызла его душу. Он решил не рассказывать Алейт о своём послушании. Пусть считает его слегка сумасшедшим лекарем, одичавшим в этих глухих местах. Но кхара оказалась гораздо прозорливее, чем он думал. Покончив с уточками, она села напротив Рилмока и вперила в него немигающий глаз.

– Ты служишь Магнификату. – Это был не вопрос, а утверждение, причём исполненное безразличности и лёгкого недоумения, словно Рилмок признался в обирании нищих. Юноша вздрогнул. Он знал, что стихии не сильно жалуют Магнификат, особенно в последнее время, когда там набрали силу сторонники Неистового Марциала, вещавшего, что все стихии суть порождения Обратной Сути. Приверженцев у Марциала было немного, но отношения с Первозданными он успел испортить накрепко. Рилмок не разделял его убеждений, да и сам Верховный Магнифик порицал Марциала, но как доказать это кхаре?

– Да, я... Я не монах, я пока всего лишь послушник. – Слова давались с трудом, а фиолетовый глаз Алейт смотрел прямо в душу. Рилмок не мог понять, почему рассказывает почти незнакомой гостье самые сокровенные тайны, которые пытался спрятать подальше от собственной памяти. – Через полгода кончится моё мирское послушание и я приму сан хрониста. Я буду работать в библиотеке Магнификата, самом большом хранилище древних знаний...

– Положим, есть и поболее. – Алейт слушала внимательно, почти не перебивая, словно от рассказа Рилмока зависела её жизнь. – Прости, продолжай.

– Лекторий Магнификата два года назад окончили восемнадцать послушников. Я в их числе. Всем нам предстояло пройти два с половиной года мирской жизни, полной помощи ближним, а потом вернуться и принять соответствующий сан. Я буду хронистом, Кристиан астрономом... Ну и так далее. Госпожа Алейт, я правда не разделяю взглядов брата Марциала!

– Какого Марциала? Бывшего ключника, которому явилось откровение? Рилмок, ты ещё молод и почти ничего в жизни не видел. Таких Марциалов рождается в год по десятку, кто-то достигает успеха в своих проповедях, кого-то ждёт забвение. Всё это уже было. И призывы изничтожить кхар, эльфов, гномов, всех скопом или каждого по отдельности... И ничего, видишь, все живут, никто никого не изничтожил, а громкие слова лишь сотрясают воздух и разносятся по воде. Ты думаешь, чернь бросит всё и побежит накалывать нас на вилы? Или герцог спустит на нас свою армию? Люди слабы и смешны, и сами это знают. Им обидно, они хотят сравняться в мощи с Повелителями Стихий, не подозревая, что и сами могут очень многое. Так было... Прости, я задумалась. Так что не бойся, меня ты не обидишь, даже если будешь

громче всех кричать: «Топить кхарей!!!» Во-первых, это будет ложь, а во-вторых, кхары не тонут.

– Почему вы решили, что я буду так кричать?

– Это я к слову. Я не люблю Магнификат по своим причинам, которые тебе знать не следует. Кто сейчас Верховный Магнифик?

– Отец Теодорий.

– В миру Годоре Ксанти.

– Откуда вы знаете? – Рилмок был искренне поражён. Мирское имя Верховного Магнифика было неизвестно даже ему, а он провёл в библиотеке Цитаделлы множество дней и ночей.

– Я живу дольше тебя. Что ж, это неплохой выбор. Ему должно быть, лет шестьдесят?

– Шестьдесят два.

– Да, значит, это именно он... Ладно, неважно. Расскажи мне о себе.

Глаз Алеит упёрся в Рилмока. Она смотрела на него так, словно хотела подтвердить какие-то свои догадки, и от этого становилось не по себе. Рилмок сглотнул. Ослушаться было невозможно. Фиолетовый глаз словно парализовал волю, заставляя произносить слова, которых сам Рилмок почти не слышал.

– Я родился в Таринге, в семье кузнеца. У меня шесть братьев и одна сестра, я самый старший. Мой отец содержит кузницу, а мать шьёт на заказ. Наша семья совсем небогата...

– Поэтому ты пошёл в Магнификат. – Слова кхары звучали как приговор.

– Нет... Отец отдал меня туда учиться грамоте, потому что наш священник сказал ему, что из меня может выйти толк, если вовремя взяться за дело. А я был хлипким, и помощи в кузнице от меня было мало. Да и в семье лишним ртом меньше.

– Это ты сам так решил?

– Нет, всё решили отец с братом Виллимом. Да и матушка была не против.

– Не против того, что больше никогда не увидится с сыном? Сложно поверить. Хотя людские взаимоотношения для меня всегда были загадкой. Ты знаешь, что за каждого мальчика Магнификат платит его семье двести квартиалов одновременно в качестве компенсации за потерю возможного кормильца? Не знаешь. Ну хватит тарашиться. Да, тебя продали как корову или, скажем, коня, хорошего коня, породистого. На эти деньги твоя семья сможет жить несколько лет. Без лишнего рта. – Кхара говорила скучным голосом, но мигательная перепонка так и дёргалась, выдавая волнение. Рилмок не верил своим ушам. Его продали? Продали в Цитаделлу, чтобы семья не голодала? Да, он стал хорошим учеником, быстро постигал все науки и к восемнадцати годам стал помощником ментора Гокка. А если бы не стал? Что тогда бы с ним было? Алеит говорила правду, это Рилмок отчего-то знал совершенно точно, и правда эта не нравилась ни ей, ни ему. Рилмок вспомнил рабочих Цитаделлы, совершенно неуместное воспоминание об огромных немых мужланах, ворочающих бочки и грузящих уголь. А вдруг это те мальчики, кому учёба так и не далась? Вдруг с ними делают что-то, что превращает их в тупых исполнительных дебилов? Рилмока передёрнуло от отвращения. Нет, этого не может быть. Немых мальчиков тоже забирают из семей, чтобы они хоть где-то принесли пользу, вот и всё. Магнификат ни за что не станет издеваться над людьми. Нет, у Алеит просто какие-то свои счёты с Цитаделлой, вот она и злится.

– Прости, я забылась. – Кхара откинулась на подушку. – Мне не следовало говорить тебе всё это. Забыть не прошу, знаю, что не сможешь. Когда-нибудь ты всё равно бы узнал. Смени мне повязку, голова разболелась.

Сквозь витражи Полуденной Галереи ярко светило солнце, разбиваясь на тысячи цветных бликов. День был в разгаре, тёплый, приятный день, когда так хочется просто стоять и смотреть на разбитые за Галереей цветники и оранжереи. Верховный Магнифик Теодорий вздохнул и расправил полы мантии. Он был лишён даже этого спокойного созерцания. Пару

часов в день он выкраивал для почти тайных походов сюда. Здесь никто не посмеет его потревожить. Теодорий встал, слегка крикнув от прострела в спине, и медленно пошёл вдоль анфилады цветных стёкол. Мысли его были далеки от радостных солнечных зайчиков. Ему уже шестьдесят два. Время неумолимо, оно тихо, но незаметно берёт своё. Скоро он не сможет передвигаться без посторонней помощи. Скоро к нему приставят брата В Милосердии, и об уединении придётся забыть. А сколько ещё всего надо успеть сделать! Теодорий качнул седой головой и прислонился к стене отдохнуть. Вот так, даже пять минут ходьбы отдаются в спине и в ногах ноющим гулом. А он даже не знает, кого назначить преемником. Как ни печально, но достойных претендентов Верховный Магнifik не видел и даже знал, почему. Слишком много суеты и бесполезных диспутов, слишком мало настоящей работы. Марциал уже слишком высоко поднял голову, его пронзительные речи об Обратной Сути невесомым шепотком гуляют по всему Магнификату. Молодёжь может к ним прислушаться. Теодорий не допускал мысли о преследовании стихиалей (кто бы на это осмелился?), но такие настроения вредят прежде всего самой Цитаделле. В ней нет места расколу. С Марциалом надо что-то делать. Скоро кончится срок мирского послушания у последних выпускников Лектория, они вернутся, и смуты будет трудно избежать. Юность всегда порывиста, а Неистовый Марциал умеет находить слова для неокрепших умов. Мысли Теодория плавно перескочили на послушников. Он выделял среди них одного, очень серьёзного молодого человека, подвизавшегося у библиотекаря Гокка. Рилмок... так, кажется. В юноше была какая-то искра, почти невидимая, но Верховный Магнifik недаром занимал своё место. Он читал в душах людей, как в открытой книге, хотя и много дал бы за то, чтобы этот дар исчез и никогда не возвращался. Молодой человек далеко пойдёт. Возможно, когда-нибудь он станет новым Верховным Магнifikом. Если, конечно, его не перехватит Марциал. Рилмок до боли напоминал Теодорию кого-то очень знакомого, но тень узнавания пролетала и исчезала в ярких бликах витражей. В любом случае, к мальчику надо присмотреться получше и оградить от марциаловой клики. Спина опять дала о себе знать. Теодорий вздохнул и медленно, стараясь не делать лишних движений, пошёл в лекарское крыло.

– Ваше Преосвященство! – Лекарь вскочил и низко поклонился, длинные волосы подмели пол. – Зачем вы так? Вам стоило позвонить...

– Тихо, Виарил. Ты же знаешь, как я не люблю это позёрство. И потом, здесь я чувствую себя... спокойно. Если ты понимаешь, о чём я.

– Да, Ваше Преосвященство, – лекарь говорил тихо, но чуткий слух мог угадать в его голосе странный звон, как будто ветерок шевелил хрустальные колокольчики. – Пожалуйста, садитесь. Я вотру вам в спину бальзам на горных колосках, а вы расскажете, чем сегодня опечалено ваше сердце. – он выпрямился и блик от окна отразился в огромных ярко-синих глазах. Лекарь казался совсем молодым, и лишь Теодорий да пара доверенных лиц знали, сколько ему лет. Эльфы живут гораздо дольше людей и старятся медленнее.

– Моё сердце опечалено грядущим расколом. Марциал слишком много себе позволяет, а я не знаю, как усмирить эту бурю.

Эльф чуть заметно нахмурился. Его тоже очень беспокоили проповеди Марциала, призывавшие изгнать нелюдь из всего герцогства вообще и из Цитаделлы в частности. За себя Виарил не опасался, поймать эльфа так же трудно, как ветер в поле, но стать объектом ненависти людей его не прельщало. Он и помыслить не мог оставить Цитаделлу. Он нужен Теодорию, а потом, куда идти изгнаннику, проклятому собственной семьёй? Дружба с людьми не была в почёте у Четвёртого народа, а Виарил, изрядно помотавшись по свету в поисках приключений, взял, да и осел в главном средоточии всех людских знаний. Отец такого финта не простил и старательно проклял сына-изменника до десятого колена. Сын принял обет целибата и назло всем проклятиям стал лекарем самого Верховного Магнифика, благо тот отцовскими предрасудками не страдал, а знания Виарила о целебной силе трав превосходили все имеющиеся в

библиотеке рескрипты. Магнификат поскрипел зубами для приличия, после бурных дискуссий принял нелюдь в лоно своё, и Виарил стал обладателем целого крыла в западной стене Цитаделлы, где он варил свои настойки, притирки, мази и прочие лекарские снадобья.

Виарил старательно растирал спину магнифика бальзамом. Теодорий стиснул зубы. В первое мгновение боль была адской, но её почти сразу же сменило приятное тепло, перемежающееся с неожиданным холодком. Горные колоски великолепно прогревали спину, и через две минуты Теодорий блаженно откинулся на кресло.

– Ты просто кудесник, Виарил. Почему у людей не получается так же хорошо смешивать бальзамы?

– Люди не владеют магией Ветра, – улыбнулся эльф, – а без неё не удержишь душу растения. Какой смысл жевать солому, когда есть сочная трава? Я не даю траве превратиться в солому.

– Да, Виарил, я знаю. Но каждый раз поход к тебе сродни волшебству. Я рад, что ты не уходишь от нас.

– Я не уйду, – покачал головой Виарил, и пепельные волосы упали на лоб, – моё место здесь. Скажите, что вас тревожит? Я вижу в глазах ваших тревогу и печаль. Боюсь, это не Марциал вас так расстроил.

– Ты прав, как всегда. Скоро я оставлю этот мир... Молчи, Виарил, наш век короче вашего, здесь бессильно даже твоё искусство. Я боюсь не успеть... не успеть так много! Мне некому оставить мантию, Виарил, наш дом раздирают противоречия, и марциаловы бредни – только верхушка айсберга. Мы вырождаемся, вырождаются наши знания, библиотекари и хронисты занимаются переписыванием старых книг, но никто не пишет новые! Скоро вернутся послушники. Кем они станут? Что толку со сдувания пыли с бывшего величия? Четыреста лет, милый мой Виарил, четыреста лет в Магнификате ничего не меняется. Мы стали похожи на сборище кумушек, перемывающих косточки каждому встречному.

– Интериор, – понимающе кивнул Виарил. В его бездонных синих глазах плескалась та же печаль, что и у старого магнифика.

– Да, Интериор. Последнее время я всё думаю, почему так случилось. Почему он ушёл от нас. Если бы... А, пустое! Когда нет Чистой Крови, чему удивляться? Всё так и застыло... Я скоро умру, Виарил, я уже смотрю смерти в глаза, а она напоследок открывает многое. Магнификату не выжить без силы Интериора, четырёмсот лет нам хватило, чтобы это понять. Мы скоро будем плодить лишь бездумных переписчиков старых книг, да полусумасшедших клириков, ни на что не годных, кроме как наизусть шпарить «Славу Создателя». Люди слабы, Виарил. Очень слабы, как ни грустно это признавать. Они верят в чудеса, в то, что стоит помолиться Создателю, и беды обойдут тебя стороной, а сами не прилагают ни малейших усилий... Герцог умён, но он всего лишь герцог. Его хватает на то, чтобы не ввязываться в бессмысленные войны и не разорять людей непомерными налогами. Да, он хороший правитель, но не более. Тёплая лужа никогда не станет горным ключом...

– Но Интериор ушёл, и его не вернуть. Вы знаете что-то, чего не знаю я? – Эльф озадаченно провёл рукой по волосам. – Вы бы не завели этот разговор просто так, Ваше Преосвященство. Я весь внимание.

– Лстец, – усмехнулся Теодорий, – ты всё перепутал. Это я хочу послушать тебя. Тебе сто восемьдесят лет. Ты должен лучше меня знать историю Пропавшего Короля и его наследства.

Виарил дёрнул головой. Он не понимал цели разговора, и это беспокоило. Старость со всеми творит странные вещи. Что задумал Теодорий?

– Интериор или Пропавший Король покинул свою резиденцию в Аквилиассе и скрылся в неизвестном направлении четыреста три года тому назад, – безмятежно начал эльф, ничем не выдавая своего недоумения, – наследников не оставил, что привело к Пятилетней войне. Затем в Аквилиассу вошёл граф Стеллан, дальний родственник Интериора по материнской

линии. Убив или захватив в плен всех своих соперников, он объявил себя великим герцогом Аквилиским и Вернейским, силой не дал распасться стране на части, и, в принципе, правил довольно успешно в течение сорока лет. Титул Интериора он не принял по неизвестным причинам. Завещания Стеллан так же не нашёл, а из Аквилиассы Пропавший Король ничего не унёс. Создатель, да вы это знаете не хуже меня!

– Это – да, знаю. Но человек не может знать всё. Что говорили об исчезновении Четвёртые?

– Я не знаю, – тряхнул волосами эльф, – меня прокляли и запретили возвращаться на родину задолго до того, как у меня появились вопросы на эту тему. Но кое-какие слухи ходят.

– Да? – подался вперёд Теодорий.

– Ходят слухи, что Пропавший Король двинулся напрямиком в Джайнмур.

Глава III

Кхара спала, а Рилмок всё сидел, пил вино и предавался невесёлым размышлениям. Слова Алеит о Магнификате больно ранили, он сам не ожидал, что будет так больно. Одноглазое чудовище что-то разворошило в его душе, и теперь непрошенные воспоминания не желали уходить, прячась в кружке с вином. Ему вдруг как наяву привиделась мать, худенькая измученная женщина с узким лицом и поджатыми губами, вспомнился отец, крупный, плотный, с каплями пота на широком лбу. А вот братьев и сестру из памяти вызвать никак не удавалось. Точнее, они всплывали в голове как призраки, без лиц, словно в тумане. Странно, даже имён их вспомнить не получается. Рилмок отхлебнул ещё фолтского. С тюфяка раздался тихий стон. Юноша вскочил, но, видимо, кхаре просто снилось что-то плохое. Она металась по подушке, но жара не было, и кровь больше не сочилась из-под повязок. Наверно, от переедания, злорадно подумал Рилмок. Чтобы как-то отвлечься от муторных мыслей, он достал «Историю восшествия на престол сиятельного герцога Стеллана Первого» пера самого Арчибальда Светлого, и начал читать. Сон всё равно не шёл, а жарить рыбу впрок Рилмок решил завтра.

Арчибальд Светлый в красках повествовал о том, о чём эльф Виарил рассказал Теодорию в двух словах. Герцог (тогда ещё бывший не более чем графом) Стеллан Вернейский, разгромив порядка двенадцати претендентов на опустевший трон, торжественно вошёл в Аквилиассу и объявил себя наследником Интериора. К слову, он действительно был хоть и дальним, но всё же родичем Пропавшего Короля, и тогдашний Верховный Магнифик, во избежание затяжной междоусобицы, признал Стеллана законным правителем, просив единственно не присваивать себе титул Интериора. Чем была вызвана такая просьба и почему Стеллан согласился, Арчибальд не раскрывал, но на некоторых страницах летописи попадалось выражение «Чистая Кровь», к коей Стеллан, по-видимому, отношения не имел, о чём и догадывался. Как бы то ни было, удачливый граф принял титул Великого герцога и Интерия перестала существовать.

Аквилиасса приняла нового правителя достаточно спокойно, людей волновали налоги и цены на хлеб, а не полумифическая Чистая кровь и Дар Интериора (что это за дар, Арчибальд не расшифровывал). Правление свое Стеллан начал весьма разумно, снизил налоги, выпустил из тюрем мелких сошек, а крупных казнил на главной площади в назидание. При нём в Магнификате насчитывалось более двухсот послушников, а в публичных диспутах блистали такие ораторы как Клиод и Максимилиан Кроткий. В общем, как понял Рилмок, время было хорошее. Арчибальду Светлому было чуждо пышное восхваление, писал он хоть и витиевато, но по существу, а по существу оказывалось, что мистическое исчезновение Интериора никому особо и не помешало. Искать его не искали, детей он не оставил, был и нету. Рилмок немного подивился краткости людской памяти, но Интериор исчез четыреста лет назад, и искать его на ночь глядя лекарь не собирался. Сон всё-таки подкрался к нему, и юноша растянулся на нескольких циновках на полу – тюфяк по праву занимала раненая.

Теодорий давно ушёл, а Виарил мерил шагами свою комнату, заставленную склянками со снадобьями, и тоскливо ломал тонкие пальцы. Его беспокоило здоровье Верховного Магнифика, но ещё больше эльфа тревожил интерес к Пропавшему Королю. Он скрыл от старого настоятеля почти всю правду, проговорившись только о Джайнмуре, но туда не сунется даже Неистовый Марциал. Интериор ушёл, унося с собой тайну и проклятие стихиалей, зловещий Дар, которым то ли в шутку, то ли всерьёз наградил его Создатель. Он спалил эту дрянь в огненных песках джайнов, спалил и погиб сам, потому что это место несёт только смерть. Смерть всему живому, искрящиеся дюны Джайнмура, где даже небо мутно-оранжевого цвета, как будто его расцвечивают отблески тысяч пожаров. Что сподвигло молодого правителя благословенной Интерии бросить страну и пойти спасать ненужных ему стихиалей? С помощью

Дара он мог подчинить их всех, даже джайнов, но не сделал этого, а уничтожил проклятую штуковину ценой своей жизни. С его смертью исчезла Чистая Кровь. Теодорий прав, с уходом Интериора кончился расцвет Пятого народа, людей, последних творений Создателя. Бедный магнфик даже не представляет, как он прав. Но всей правды он не узнает. Даже он не поймёт этого самопожертвования во имя всех живущих в этом мире. Эльф сел и остервенело начал толочь в ступке семена волчьей гвоздики.

О том, что Рилмок посетил «Оранжевого Осла», ему напомнил громкий стук в дверь. Голос Филкиса угодливо интересовался здоровьем Рилмокова пациента и предлагал свежайшие булочки. Рилмок со стоном встал с циновки, еле распрямив затёкшее за ночь тело, и потащился прогонять настырного торговца. Юноша не сомневался, что за спиной Филкиса столпилось пол-Хельсвуде, горя любопытством и желанием воочию увидеть господина, заказавшего ведро донных уточек. Ожидания оправдались с лихвой. Филкис с деревянным лотком на ремнях стоял прямо напротив двери, а человек тридцать селян осторожно выглядывали из-за покосившегося забора. Рилмок про себя помянул Обратную Суть и попытался придать голосу побольше усталой вежливости.

– Добрый день, господин Филкис. Спасибо за визит, но моему пациенту пока ничего больше не нужно.

– Дозвольте предложить вам наши булочки, мастер Рилмок! Розали только сегодня утром их напекла, специально для хворающего господина!

– Спасибо, но у нас ещё остался хлеб. И мой господин не заказывал булочек.

Но Филкис решил идти до конца в своём желании заполучить столь богатого клиента. Он попытался бочком протиснуться в дверь, чтобы предложить булочки непосредственно будущему постояльцу, и почти отпихнул Рилмока с порога. Деревенщина за забором возбуждённо загалдела, делая ставки на то, протиснется ли Филкис, или лекарь его всё-таки вышвырнет. Проиграли все. Дверь распахнулась сама собой, Рилмок успел отскочить в сторону, а Филкис, не удержавшись на ногах, свалился прямо в лужу у крыльца, чудом не растеряв в полёте свои булочки. Громко завизжала какая-то женщина у изгороди. На пороге стояла высшая кхара в полном боевом облачении. Зелёный меч зловеще переливался у ноги. Рилмок получил дверью в лоб, но боли даже не почувствовал, заворожённо глядя на кхару. Почему-то он сразу понял, за что их народу платили такие бешеные деньги. Алейт возвышалась на крыльце, презрительно окидывая фиолетовым глазом сбившуюся в кучу чернь. Филкис, поскуливая, попытался отползти к забору, но кончик меча зацепил его за ремень, и бедный трактирщик в ужасе замер. Алейт выглядела как воплощение Обратной Сути: худая, высокая, в чёрных чешуйчатых доспехах, с жуткой перевязью на правом глазу. Сквозь растянутые в бешеной улыбке губы виднелся ряд мелких острых зубов. Меч покачивался на бедре, качая вместе с собой и небольшую тушу Филкиса. Удовлетворённая эффектом, кхара обратилась к трактирщику с ледяной вежливостью:

– Господин трактирщик предлагали булочки? Я польщена. Меня не так часто угощают с такой настойчивостью. Пожалуй, я приму вашу выпечку. Рилмок, дай господину трактирщику монету, он почему-то не шевелится.

Рилмок ошарашенно кинул Филкису медный милльиал, тот даже не шелохнулся. На бедного толстяка жалко было смотреть, он как-то весь съёжился, а знаменитые щёчки заливала мертвенная бледность. Селяне, почуяв возможность беспрепятственно скрыться, разбежались кто куда. Несчастный Филкис со своими булочками остался совершенно один. Рилмок неожиданно для себя развеселился и стал ждать продолжения драмы.

Кхара тем временем выудила из лотка булочку порумяней и, не отпуская Филкиса, стала её изящно обкусывать, как будто находилась на приёме у самого герцога.

– М-м-м... Замечательно. Господин трактирщик, передайте Розали или как её там, что булочки – это истинный шедевр. Давно не ела столь нежный бисквит. А ваши донные уточки выше всяких похвал. Редко удаётся в таком отдалении от столицы попробовать настоящий деликатес. Ваша кухня просто восхитительна. Мой врач тоже оценил её по достоинству. Желаю вашему постоялому двору всяческого процветания и побольше благодарных клиентов. Со своей стороны прошу впредь не беспокоить моего лечащего врача, а заодно и меня, столь бесцеремонным вторжением. Вы меня поняли, господин... э-э-э...

– Филкис, – подсказал Рилмок, от души наслаждаясь представлением.

– Благодарю вас, мастер Рилмок. Так вот, господин Филкис, вы меня поняли?

Помощник трактирщика из белого стал нежно-зелёным, как лист молодого салата. Рилмок про себя восхитился цветом. А зрелище онемевшего Филкиса проливали настоящий бальзам на душу юноши, до сих пор содрогавшегося при воспоминаниях о бесконечном тарактении про вкус, достойный настоящего герцога. Наконец, Алейт надоело ждать ответа от мешка с булочками, и она изящным движением меча отправила толстяка в первый в его жизни полёт.

– Ну зачем вы встали? – сокрушался Рилмок, борясь с никак не уходящим смехом. – Только я стал надеяться, что раны начали затягиваться. Зачем вы устроили этот маскарад? Я бы выгнал Филкиса и так.

– Ты бы выгнал, – хмыкнула Алейт, покорно укладываясь в постель, – ты бы у него все булочки купил, чтоб он отстал, только ты эту породу не знаешь. Чернь надо почаще пугать, они будут знать своё место. Ты юноша интеллигентный, грубым словам не обучен, проку от тебя в разгоне всякого сброда мало.

– Но он не хотел ничего плохого, – возразил Рилмок, – просто предложил булочки.

– Ему не терпелось увидеть богатенького господина и предложить свои м-м-м... услуги. Я не слепая, одним глазом вижу очень даже хорошо. Тебя выводит из себя этот масляный толстяк, но ты не умеешь ставить людей на место. Не волнуйся, для этого есть я.

– Теперь в городке начнут от меня шарахаться.

– Очень хорошо. Обсчитать тебя теперь никто не решится, а я уж, так и быть, скрашу твоё затворничество. Сколько тебе ещё здесь пыхтеть?

– Полгода, – Рилмок изумлённо возрился на кхару, – но вам незачем себя утруждать. Ваши раны заживут гораздо быстрее, и вы сможете спокойно покинуть Хельсвуде.

– Мне лень. У тебя очень тихо и уютно, для поправки здоровья самое то. Тебе неприятно моё общество? Понимаю. Я вчера наговорила гадостей, наверно, сказались царапины и фолтское красное. Если ты попросишь, я немедленно уйду.

– Нет! – Рилмок сам удивился, как громко он крикнул. – Оставайтесь, пожалуйста! Я совсем не обижаюсь. Мать говорила, я вообще не умею обижаться. Не уходите, мне так о многом надо у вас спросить!

– Почему я не удивлена. Налей мне вина и поговорим. Или нет, сначала ты зажаришь всю ту прорву рыбы, что всучил тебе этот торгаш. Я объясню, как надо правильно готовить...

Теодорий устало опустился в кресло. Предстоял трудный день. Скоро пора будет идти принимать исповедь у Старших братьев, а Марциал, как это не прискорбно, входит в их число. Опять слушать исполненные фанатичного гнева речи о засилье нелюдей, смотреть в покрасневшие от накала глаза, видеть злобно сжатые пальцы. Нет, его время уходит. Он не сможет противостоять этой волне ненависти. Бедные мальчики, они вернутся в разворошённое осинное гнездо. И бедный Виарил, ему наверняка придётся уйти. Эльф не сможет терпеливо сносить нападки беснующегося клирика, он молча соберёт свои травы и покинет Цитаделлу. Да, это произойдёт только после его смерти, но час близок. И некому вручить мантию, совсем некому... Будь Рилмок постарше... Никто не поймёт, если он назначит своим преемником жел-

торотого юнца, даже самые преданные, а Марциал его сожрёт живьём и не поперхнётся. Нет, Рилмока он не подставит под такой удар. Почему он всё время думает о нём. Мысли Теодория вращались то вокруг пропавшего Интериора, то вокруг юного помощника библиотекаря, и магнифик не мог найти между ними точек соприкосновения. И Виарил говорил как-то странно, он что-то скрывает, но зачем? Чем ему, Теодорию, может повредить знание четырёхсотлетней давности? Если Интериор и правда ушёл в Джайнмур, то на нём и на его наследстве можно поставить точку. Из Джайнмура не возвращаются, другое дело, что туда и не уходят. Это немислимо чисто географически. Надо пересечь всю Великую Аквилию, миновать Подлунный Хребет, что само по себе было чем-то невиданным, чтобы потом окунуться в жар Джайнмурских пустынь. Никто в здравом уме таких путешествий не совершал. Был ещё обходной путь по Коралловым морям, но тамошние вечные шторма так же отбивали охоту к путешествиям. Нет, скорее всего, Интериор сгинул где-то в отрогах Подлунного Хребта, не добравшись до Джайнмура. И какая разница, как он погиб? Чистую Кровь не вернуть, а с ней и надежды на процветание Магнификата. Нет, Рилмоку не надо быть Верховным Магнификом. Пусть им станет Юлиус или Мирий, тихие, невзрачные мышата. Он, Теодорий, умрёт, и с ним умрёт эпоха. Дальше только закат. Уйдёт Виарил, задохнётся в пыли фолиантов Рилмок, может, и Марциала хватит удар от избытка энергии. И Магнификат станет прибежищем пылевых мошек да крыс, что придут грызть пергамент. Так и надо, пусть так и будет...

– Сначала добавь щепотку волчьей гвоздики и только потом обваливай в муке, тогда жареная рыба может храниться значительно дольше, – Алейт нудно перечисляла операции, необходимые для приготовления идеальной жареной рыбы, – нам это есть две недели как минимум, ты что, хочешь запороть всё блюдо?

– Я уже озверел эту рыбу чистить, – сообщил Рилмок, – и вообще, я для вас старался. Я думал, кхары любят рыбу.

– Очень любят, – кивнула кхара, – но не абы какую. Абы какую ты съешь в «Оранжевом Осле». Люди вообще понятия не имеют о правильном приготовлении рыбы. Вы её жарите в каком-то безумном масле или пропитываете дымом от дров. Запомни, Рилмок, рыба не терпит суеты и поверхностного отношения. Мы будем жарить рыбу на углях. Повороши огонь, он скоро погаснет. Так вот, обваливаем в муке и сверху посыпаем сухим беличьим укропом...

– Я скоро с ума сойду, – пожаловался Рилмок, – может, уже кинем на решётку?

– Не торопись. Да уйди ты от рыбы, видеть уже не могу это надругательство!

– Вам нельзя вставать.

– Мне всё можно, а что нельзя, за то отвечу перед Создателем, и только перед Ним. Уйди от рыбы, сказала! Вообще не прикасайся к ней, как же вы, люди, всё портите...

Через два часа, истекая потом, Рилмок упал на циновку. Жарка рыбы его доконала. Казалось, весь дом пропитался этим запахом, а от беличьего укропа хотелось чихать. Алейт же была очень довольна своим шедевром и уминала уже пятую рыбину. Рилмок вяло пошевелился и всё-таки сел на стул. Голова кружилась. Единственное, что он вынес из ужаса приготовления рыбы, это то, что мужчинам на кухне не место, а лучшая пища – это копчёная свинина.

– Ты хотел о чём-то меня спросить, – Алейт плеснула себе вина и растянулась на постели. – Я тебя слушаю.

Рилмок немедленно пришёл в себя, пододвинул стул, схватил лист бумаги и перо и с придыханием сказал:

– Расскажите мне о кхарах!

– Тебе с момента Творения или как? – в фиолетовом глазе пробежали весёлые искорки.

– Как-нибудь!

– С ума сойти, вот это жажда знаний, – Алейт кое-как села на тощем тюфяке. – Ладно, начну с себя. Меня зовут Алейт кхар'Линдаат, что означает Алейт из рода Линдаат, что в топах

Линдэ. Это почти в самом центре Кхаридана. Чем ближе к Кхар-ад-Дану, тем более уважаемые роды могут там жить. Мой род весьма уважаемый. Правда, я давно там не бывала, но, думаю, ничего не изменилось. В Кхаридане практически ничего не меняется уже много веков. Да, как ты уже понял, я из высших кхар. Существует тринадцать родов, мой первый, ха-ха. Кхар-даон, глава всего Кхаридана, происходит как раз из рода Линдаат. Высшие кхары, ну... это как ваши герцоги и графы. Аристократия, так сказать. Но есть и пара отличий. Мы непохожи на простых кхар, ловцов жемчуга или донных уток. Мы либо правим Кхариданом в Совете Дельты, либо становимся наёмными охранниками. Что, ты удивлён? Все телохранители ваших богачей происходят из тринадцати родов высших кхар. У нас есть наши мечи, наши доспехи и наше искусство. С ним надо родиться, Рилмок. Ловцы жемчуга с ним не рождаются.

– Но почему?.. Почему вы пошли на службу к людям? Это так...

– Странно? Нет, ничего странного в этом нет, но объяснять мне придётся долго. Создатель связал Первых и Последних нерушимым договором, по которому сила Первых поддерживает силу Последних. Не могу объяснить точнее. В общем, если высшие кхары не желают сидеть в Совете Дельты, они вольны наняться охранять кого-нибудь из людей. Так повелось со времён Интериоров, ну, то есть мы охраняли Интериора и его семью. Потом, когда последний Интериор исчез, мы просто стали охранять богатых людей, способных заплатить за наши услуги. Так происходит и по сей день.

– А... этот договор, он как-то связан с Вердиктом Четырёх?

– Где ты набрался этой чуши? – Алейт нахмурилась. – Вердикт Четырёх был оглашён, когда и людей-то не было. И вообще, Вердикт – это история столь давняя, что говорить о ней смысла нет. – Было видно, что упоминание Вердикта сильно разозлило кхару. Она немного поморгала здоровым глазом, потом глотнула вина и кисло продолжила: – Тебя ещё что-то интересует?

Рилмок понимал, что разговор сломался, но не утерпел:

– Госпожа Алейт, я понимаю, это бестактно... Но кхары лучшие воины этого мира, так?

– Не исключено.

– Госпожа Алейт, кто... кто вас ранил?

Кхара молчала. Молчала долго, Рилмок уже тридцать три раза пожалел о своём вопросе. Он испугался, что тоненькая ниточка доверия между ним и странной жительницей Дельты сейчас разорвётся навсегда, и Алейт просто встанет и уйдёт. Но она не ушла.

– Я не знаю, кто меня ранил. – Голос её звенел, как струна. – Мне тоже ОЧЕНЬ интересно это узнать. Интереснее, чем тебе, во всяком случае.

– Я не хотел вас обидеть...

– Ты не обидел. Всё, туши свет, давай спать.

Старый кхар сидел, согнувшись, в небольшой лодочке из плотных листьев баунума. Лодочка почти незаметно колыхалась посреди чёрного, глянцевого озера идеально круглой формы. Вода в озере была практически неподвижной, ни одна рыбёшка не выскакивала на его поверхность, ни одна водоросль не змеилась по плотному гладкому дну. Если у кого-либо возникло бы желание посмотреть в эти воды, безумец не увидел бы отражения звёзд и луны – воды Кадын-Кее не отражали ничего. Только чёрная блестящая вода, ни холодная, ни горячая.

Старый кхар знал это озеро, священное озеро Кхаридана, место, куда ни один кхар не имел права входить, только он, старый Кхарт, Кхар-даон, последний из Высших, помнящий Великую Войну, старейшина Кхаридана. Он был стар, очень стар, белая кожа истончилась до прозрачности, жабры ещё сильнее выдавались по бокам горла, а многорукий спрут на затылке, символ власти, уже почти никогда не шевелил щупальцами. Глаза Кхарта, сиреневые, почти

прозрачные, видели многое на той земле. Он не всегда сидел затворником в Кхар-ад-Дане. Но это тоже было очень давно.

Он окунул костистую руку в чёрные воды. Редко, крайне редко воды Кадын-Кее озарялись нездешним светом, и в них можно было увидеть картины прошлого, настоящего, а, возможно, и будущего. Видения всегда были краткими, но очень чёткими. Кхарт помнил их все. Трудно запутаться. Кадын-Кее озарялся ровно четыре раза. По одному за каждую тысячу лет. Возможно, поэтому иные народы считали кхар лишёнными магии. Когда магия снисходит сама, да ещё и так редко (даже по меркам долгоживущих кхар), трудно до конца поверить в её существование.

Сегодня Кхарт приплыл на чёрное озеро, снедаемый странным предчувствием. Он никому не сказал о своём путешествии. Из Кхар-ад-Дана до озера неделю пути по извилистым протокам, вязким болотам, окутанным дрожащими испарениями, и множество незаметных омутов преграждает дорогу непосвящённому. Кхарт знал этот путь наизусть. Когда рассеялся последний зыбкий туман, его лодочка плавно выпорхнула на чёрную гладь, неподвижную и необитаемую. Он склонился над глянцево блестящей водой. Он ждал.

Прошёл день, а может быть, неделя или месяц. Кхарт не считал. Кадын-Кее была спокойна и черна, ничто не тревожило её нездешнюю гладь. Старый кхар прикрыл глаза и начал петь на древнем языке, первом языке этого мира. Слов не было слышно, да и неудивительно. У человека, случись ему стать невольным наблюдателем, вскоре разболелась бы голова, а волосы на теле встали дыбом. Кхар пел на вечном языке обитателей глубин, которые немы для всех, кто живёт на суше. Где-то далеко, в водах Вечного Океана, отозвались на его песню огромные горбатые киты, маленькие рыбки рек и речушек попрятались в зарослях водной пшеницы, замороженно слушаая. Песня звучала. И озеро откликнулось.

Внезапно, как от вспышки, вода резко побелела и на её поверхности ясно проступили две фигуры: длинный тонкий силуэт высшей кхары с повязкой на глазу и щуплая фигурка человека, видимо, молодого мужчины. Они медленно приближались, и вскоре Кхарт смог рассмотреть их лица. Кхарой оказалась Алейт, несчастная высшая, потерявшая смысл жизни, а неизвестный человек стал при ближайшем рассмотрении молодым шатеном с неуловимо знакомыми чертами лица. Кхарт сощурился, пытаясь узнать незнакомца. Фигуры все ещё неторопливо приближались и в какой-то момент Алейт оказалась за левым плечом человека. Кхарт вздрогнул и пристальнее взгляделся в отражение. Он узнал, ему показалось, что он узнал... нечто, давно забытое, давно ушедшее и успевшее стать легендой. Моргнул – и воды Кадын-Кее отливали прежней равнодушной чернотой.

Глава IV

– У тебя много книг, – заметила Алейт, вернувшись с заднего дворика, где она теперь постоянно разминалась с мечом. Ей уже стало значительно лучше, повязка с головы была снята, обнажая свежий пульсирующий шрам. Рилмок не уставал поражаться скорости её восстановления. Воистину, высшие кхары – существа запредельные, никакой человек, да и остальные жители этой земли им в подмётки не годятся. Несколько дней назад Алейт заявила, что её мышцы стали похожи на студень из водорослей, и, не обращая внимания на протесты Рилмока, стала упражняться с мечом. Меч Рилмока завораживал. Длинный, фосфоресцирующий, со вспыхивающими знаками на неизвестном ему языке, он казался продолжением руки Алейт, а вращала она им с такой скоростью, что казалось, её окружает зеленоватая дымка.

– Да, книг много. Я смог уговорить брата Гокка, чтобы он разрешил мне взять в пользование небольшую часть библиотеки. Сам Магнифик был не против – я же будущий хронист.

– Угу, – Алейт обгёрла рукоятку меча тряпицей и поставила его в угол. – Я любопытствую?

– Конечно, – Рилмок сделал приглашающий жест, – вам найти что-то определённое? У меня много исторических хроник, есть «История Творения» и «Слава Создателю» пера самого Арчибальда Светлого...

– А «Великие Глубины» Лирейт кхар'Кирдеат у тебя тоже есть? – усмехнулась Алейт.

– Нет, – пробормотал Рилмок, – такого манускрипта у меня нет.

– Ещё бы. Магнификат продал бы половину своего замка за обладание этой книгой. Кхаридан не очень-то богат на литературу, но кое-что имеет... Эта книга была написана во Вторую Эпоху, ты бы вряд ли смог её прочесть.

– Во Вторую Эпоху... – замороженно повторил Рилмок.

– Н-да. Давай исторические хроники, мне внезапно захотелось развлекательного чтения. – Алейт села на кровать, поджав ноги. За тесным столиком ей было весьма неудобно. Рилмок смутился от такого фривольного замечания об исторических книгах, но полез на полки посмотреть, что могло бы «развлечь» Алейт. Судьба сама распорядилась об этом, когда с одной из верхних (и самых хилых) полочек шумно рухнуло «Сказание о Пропадшем Короле» пера неизвестного хрониста. Алейт следила за Рилмоковыми поисками одним глазом, но когда «Сказание» шлёпнулось ей под ноги, внезапно вздрогнула.

– Давай сюда, – с деланным безразличием протянула она. – С гравюрами, надеюсь?

– Да, сам Кристоаль Придворный...

– Ой, да неважно! Главное, чтобы было портретное сходство.

– Но... – Вдруг Рилмок осёкся. – Портретное сходство? Сколько же вам лет?

– Много. – Кхара криво усмехнулась. – Очень много, столько не живут. Ну что ты стоишь столбом? Сядь.

– Куда?

– Великие Глубины! На стул. Он тут один.

Рилмок сел, не очень понимая, что от него требуется. Алейт стала неторопливо переворачивать пожелтевшие страницы, но юный лекарь заметил, как подрагивают её пальцы с металлических ногтями. Что-то она искала в этой книге, что-то такое, чего Рилмок не понимал, но очень хотел понять. Внезапно Алейт встала, отложив том, достала из-за покосившегося шкафа старое мутное зеркало, доставшееся Рилмоку от предыдущего владельца домика, и приставила к стене напротив юноши. Рилмок смог рассмотреть себя, сидящего на стуле на фоне полок и шкафа. Манипуляции эти ему были абсолютно непонятны. Алейт тем временем нашла какую-то гравюру и заложила страницу засохшим листиком. Глаз её буравил Рилмоково лицо, и ему сделалось не по себе. «Ну уж нет, – прошептала она, – не до такой степени», и, придвинув сто-

лик, поставила книгу со страницей, раскрытой на гравюре, напротив зеркала. Сама же подошла к Рилмоку и встала у него за левым плечом. Юноша вертел головой, пытаясь разгадать её манипуляции, пока она не прикрикнула:

– В зеркало смотри! Внимательно смотри, во все глаза!

И Рилмок посмотрел.

Аквилис накрыла тяжкая, душающая жара. Дождей не было уже две недели, и проклятое солнце шпарило что есть мочи. Жители столицы старались лишней раз не выходить на улицы, и даже знать не спешила воспользоваться паланкинами с белыми шторами. Торговля шла вяло, товары портились, а с ними и настроения купцов. Единственные, кто благословлял жару, пришедшую как будто из самого Джайнмура, были владельцы общегородских купален. В прохладные бассейны набивалось столько народа, что вода чуть ли не вскипала, но всё равно это было облегчением. Огненный глаз солнца насмешливо наблюдал за истекающим зноем городом. Не лучше было и в герцогском дворце. Слуги валились с ног, роня опухавшую, но благословенный ветерок оборачивался жарким касанием зноя. С ледников Шаграта, владений медноголовых гномов, в дворец бесконечной вереницей тянулись возы с глыбами льда. Что-то, конечно, таяло в дороге, но гномы своё дело знали и глыбы вырубали нешуточные – даже двухнедельный переход не мог расплавить голубовато-синие айсберги. На герцогской кухне повара, сменяя друг друга, готовили лакомства из фруктовых соков, мёда и ледяного крошева. Такое освежающее блюдо неизменно пользовалось успехом, а мелко настроганное замороженное молоко с мёдом обожал сам сиятельный герцог. В этот раз герцог тоже, сидя на великолепном мягком троне, неспешно смаковал любимое лакомство, пока советники докладывали о положении дел. Зад герцога взмок от сидения на нагретом бархате, но боли в спине заставили его приказать обить огромный трон из тёмно-красного дерева, помнящий ещё Интериоров, мягкой тканью. За левым плечом владыки неподвижно стоял кхар с зелёным мечом наголо. Затылок охранника украшало изображение морского конька. Лидан кхар'Кирдеат, Хранитель Короны. Рядом с ним слуга постоянно сменял вечно тающее мороженое и кувшин ледяной воды, но Лидан к ним не прикасался. Личный охранник герцога не имеет права на слабость, хотя вода выглядела очень соблазнительно. Проклятая жара. Нетрудно поверить, что её наслали джайны, хоть бы они все с шипением упокоились в Великих Глубинах. Лидан покосился на кувшин. Нет уж, дождёмся вечера, за герцогской трапезой этой водой можно хоть упиться. А сейчас не время. Вдруг ухо кхара услышало знакомое слово, и он моментально вернулся к действительности.

– Из Хельсвуде пишет ваш преданный слуга Никус, владелец постоянного двора «Оранжевый Осёл», – размеренно докладывал Фирин, главный советник. Он полулежал на удобных носилках, а слуга, как болванчик, качал над ним опухавшим. Фирин был парализован с раннего детства после укуса медной змейки, но разум его знающие люди сравнивали с самим Магником. Его доклады никогда не содержали проходных вещей, поэтому Его Величество Стеллан Восьмой слушал очень внимательно. Какая-то ерунда, например, обвал в приграничных с гномами областях (без жертв и разрушений) вдруг оказывался важнее всех докладов о таможенных сборах, ибо открывал самоцветную жилу, а значит и меньшую зависимость от тупоголовых горных жителей. Да, Фирин знал, что докладывать. И сейчас Стеллан Восьмой и Лидан слушали молча и не перебивая.

– Сей добрый господин обращает внимание Вашего Величества на любопытный случай, произошедший около месяца назад, – бубнил Фирин. – К сельскому лекарю ваши добрые подданные доставили раненого кхара. На этих словах Лидан серьёзно напрягся.

– Сей кхар, вернее, кхара была одной из высших, судя по одежде и мечу. Она была тяжело ранена в голову и, насколько известно Никусу, некоторое время даже не вставала с постели. Лекарь, рекомый Рилмок, послушник Магника, присланный в Хельсвуде на два с половиной года, лечил сию кхару и покупал для неё в «Оранжевой осле» изысканные яства, из чего

достопочтимый Никус делает естественный вывод, что она весьма обеспечена. Имени кхары Никус не узнал, но у неё кроме свежей раны есть ещё и застарелая: выколот один глаз.

Тут Лидан весьма отчётливо пошевелился, чего не допускал никогда. Стеллан удивлённо обернулся:

– Лидан, тебе известна сия персона?

– Ваше Величество, досточтимый Фирин, – Лидан слегка поклонился, – не будет ли мне позволено узнать о рисунке на затылке этой кхары?

– Рисунке? А-а-а, ну да. Фирин?

– Никусу это неизвестно, – степенно ответил советник. Стеллан вновь повернулся к охраннику.

– Так что ты можешь сказать?

– Единственная высшая кхара, лишённая одного глаза, известная мне, это Алеит кхар'Линдаат из Топей Линдэ, – странным голосом ответил Лидан.

– Ну да, а лекарь, это, конечно, чудом восставший Интериор, – засмеялся Стеллан. Фирин сдержанно хихикнул, но на Лидана смотрел очень внимательно.

– Скажи, доблестный, – наконец произнёс он, – скольких людских воинов заменяешь ты в открытом бою?

– Двадцать, ваша милость, если у меня только меч. Если я имею парный к мечу кинжал, мне затруднительно назвать количество.

– Двадцать, – задумчиво пожевал губами Фирин. – Тебя невозможно застать врасплох, слух твой острее свиного, а глаза видят дальше изогнутых стёкол магистра Мисса. За пятнадцать лет службы у Его Величества ты не раз спасал его жизнь в путешествиях по нашей стране, когда Его Величество милостиво посещал отдалённые районы, населённые невежественными дикарями. Ты гибок, стоек, дисциплинирован, и ты превосходный воин. Твои собратья не раз доказывали делом то же самое. Так скажи мне, доблестный, как же могла высшая кхара, даже лишённая одного глаза, позволить ранить себя столь тяжело, что ей потребовалась помощь первого попавшегося деревенского знахаря, да ещё и долгий постельный режим? Учти, Лидан, владелец постоянного двора не лжёт в своих донесениях мне, это достопочтенный и преданный короне человек. Отвечай.

Лидан замешкался, и герцог нетерпеливо буркнул:

– Я позволяю тебе, отвечай советнику.

– Я не знаю, – Лидан держался очень прямо, но жаберные щели отчётливо раздувались, – мне горько огорчать Ваше Величество, но я не знаю такого соперника.

– Как интересно! – восхитился герцог и принял из рук слуги очередную вазочку с мороженым. Облизав ложку, он добавил, – Я хочу, чтобы эту загадочную воительницу и её лекаря немедленно доставили ко двору. Я хочу знать все подробности о её битве.

– И, конечно, о столь ужасном противнике, – добавил Фирин, не переставая буравить взглядом Лидана.

– Ах да. И о её ужасном противнике. Одноглазая кхара! Может, этот лекарь и впрямь Интериор? – герцог захихикал. – Ах, древние сказания! Решено! Лидан, соберись в дорогу и сей же день выезжай! Где это, Фирин?

– В Хельсвуде, Ваше Величество, в неделе пути от Аквилиса, если ехать по дороге, ведущей к Магнификату.

– Отлично! Лидан, что ты стоишь столбом?

– Я должен неотлучно находиться при особе Вашего Величества, – поклонился кхар.

– Чепуха! За две недели со мной ничего не случится, я не собираюсь покидать Аквилис. Лидан, не смотри так. Тебя заменит твой брат, как там его...

– Илдан, Ваше Величество.

– Имена у вас... фантазией твои родители явно не отличались, а? Пусть Илдан, думаю, он не хуже тебя может стоять столбом. Ему сейчас передадут мою волю, а ты собирайся. Твой герцог заинтригован и жаждет подробностей этой истории. Лидан дождался прихода брата, поклонился и вышел.

Он гнал коня, как мог, если учесть, что рядом скакали заводные для Алеит и знахаря. Мысли Лидана стучали в его голове дробью копыт. Его не удивил приказ герцога – Хранитель Короны весьма уважал Стеллана за острый ум, скрытый от простых смертных под маской слегка инфантильного любителя замороженных лакомств. О, Лидан и впрямь склонялся перед пронизательностью Его Величества. Куда там Фирину. Советник боится странного противника кхары, он же, Лидан, опасается её самой. Сумасшедшая высшая, гордость и проклятье Кхаридана. За четыреста лет её имя обросло легендами, она, единственная из всех, трижды побывала в Джайнмуре и вернулась живой. Глаз не в счёт, ерунда, даже с одноглазой Лидан не рискнул бы биться на равных, а ведь он лучший, он личный охранник самого сиятельного герцога. В Дельте шёпотом передавалось её прозвище – Ищущая смерть. Немудрено. После того, как Интериор сгинул в Джайнмуре, имя Алеит кхар'Линдаат оказалось покрыто несмываемым позором. Не смочь уберечь властителя – после такого остаётся только броситься на свой меч, один из знаков на котором как раз служит для этой цели. Но Алеит, наплевав на Кодекс, решила жить. Жить и найти правду об этом решении Последнего Короля. Кроме как поисками смерти это нельзя было назвать. Кхаридан не смог её отговорить, даже изгнать навеки представительницу самого знатного рода у Кхар-даона не поднялась рука. С одной стороны, Лидан понимал. Но он не мог постичь, как она сама могла жить с таким грузом на сердце. И чего искать в Джайнмуре? Пылающие дюны даже кости превращают в мелкую серую пыль. Какие следы пропавшего властителя хотела она найти? И как вырывалась живой из пламенеющей пустыни? Лидан не знал ответа. А теперь Алеит объявилась где-то у джайнов в пекле, в каком-то захолустье, как его там... Хельсвуде. Раненая. У какого-то местного лекаришки. Что привело её туда? Лидан боялся признаться себе, что не желает встречи с легендарной кхарой. У неё на всё своё мнение. С неё станется зарубить его после первых же слов. Охранявшая Интериора без особого пиетета относилась к нынешней династии. Лидан внутренне поёжился. Наедине с собой он мог дать слабину. Да, он лучший, он и его брат Илдан, но для Алеит оба они были не более чем вылупившиеся позавчера головастики. Что поделаться... Приказ есть приказ. И лишь его вера в герцога немного поддерживала Хранителя.

А ещё он знал о Ша-Ан.

Рилмок опасливо косился на Алеит, с каким-то остервенением вращающую меч. Всё утро они провели в бесконечных диспутах, подкрепляемых «Сказанием о Пропавшем Короле», коим Алеит размахивала у Рилмока перед носом. Он скрепя сердце признал явное сходство, но вот всё остальное... Мысль о том, что он, возможно, прямой потомок Интериора, не давала покоя и заставляла молодого послушника чуть не бегать кругами по комнатушке. Алеит злилась, видя его недоверие, но пока, в основном, молчала. Наконец, Рилмок выдохся.

– Ну что вы от меня хотите? – взмолился он, глядя, как Алеит буравит его фиолетовым глазом. – Ну не могу я быть его потомком! Ну никак, поймите! Интериор ушёл, не оставив наследников...

– Законных наследников, – бросила кхара в пустоту.

Рилмок вытаращился.

– П-п-просите... Но как...

– Ты что, до сих пор не в курсе, откуда берутся дети у вас, людей? – в свою очередь удивилась Алеит. – Законный брак для этого – не обязательное условие.

– Но...

– Рилмок, ты похож на головастика. Не пучь глаза, у меня откроется рана, если я буду долго на это смотреть. Интериор пропал в возрасте тридцати пяти лет, даже для вашего народа это не так уж и много. Он вполне мог делать детей, уж поверь мне. Отсутствие достойной невесты – не повод принимать целибат, или как это у вас там называется.

– Но Интериор... он не мог же... – Рилмок так густо покраснел, что Алеит расхохоталась.

– Мальчик мой, ты удивляешь меня всё больше и больше! В Аквилиассе было великое множество женщин, от простой прачки до великолепной фрейлины, и ни одна не отказала бы Интериору, пожелай бы он их ласк. А он, как ты помнишь, был мужчиной нестарым и здоровым. Кто ему мог помешать посещать Аллею Роз когда пожелает?

– Но откуда вы всё это знаете? – не унимался Рилмок. – В «Сказании» ничего подобного нет! Или в Кхаридане есть свои «Сказания»?... – Краска ещё не сошла с его лица.

– Зачем мне сказания и легенды? – удивилась Алеит. – Я была его Хранителем Короны, мне ли не знать его похождения.

Рилмок потерял дар речи. Кхара, вздохнув, отправилась во двор упражняться с мечом, оставив молодого лекаря в глубочайшем и искреннем шоке.

Глава V

В Хельсвуде Лидан въехал почти с закатом. Городок неприятно удивил его толчеей и сутолокой, не прекращавшимися даже к ночи. Лоточники расхваливали свой товар, торговки сырами и рыбой зычно зазывали покупателей, но рыба показалась Лидану весьма подозрительной. В мыслях, где же ему найти домик знахаря, он почти вплотную подъехал к «Оранжевому Ослу».

– Что ж, – пробормотал кхар сам себе, – на постоялом дворе можно узнать всё, что угодно. – И направился к воротам.

Выскочивший поприветствовать нового гостя Филкис внезапно обмяк, позеленел и шумно грохнулся на землю. Лидан соскочил с коня и подошёл к толстячку.

– Что с вами?

Филкис неловко дёрнулся, пытаясь свернуться в клубок, и замер.

– Что за... – Лидан одной рукой поднял несчастного и легонько встряхнул. Филкис пискнул.

– Д-д-д... Я не... Прошу вас...

Лидан вздохнул, опустил Филкиса на землю, благо к тому уже спешила дородная женщина в переднике, и прошёл в зал.

За стойкой царил сам дядюшка Никус, но, увидев кхара в герцогских цветах, тоже малость побледнел. «Да что у них тут, аллергия на Первых?» – удивился про себя Лидан. – «Вот ведь глушь». Но дядюшка Никус был всяко крепче своего племянника и в себя пришёл довольно быстро. Усы его вновь встопорщились, а щёки начали приобретать здоровый цвет.

– Чего угодно Повелителю Глубин? – учтиво пророкотал он, придавая своему лицу всю возможную почтительность. Лидан внутренне усмехнулся.

– Именем Короны. Мне необходимо знать, где дом лекаря, который пользует мою раненую сестру.

– О-о-о! Вам нужен мастер Рилмок, его дом вон в той стороне от «Оранжевого Осла», на самом отшибе, около прудика. Это совсем недалеко. Но, возможно, ваша милость желает отдохнуть с дороги...

– Хранителю Короны отдых ни к чему, – прервал Никуса Лидан. – Благодарю за сведения. Да, вот ещё. Его Величество весьма доволен вашим докладом советнику Фирину.

Лицо Никуса приобрело настолько блаженное выражение, что Лидан ушёл, не попрощавшись. Дядюшке было уже не до него.

Заслышав топот копыт, Алейт выглянула в окно и весело хлопнула рукой по столу:

– Ну, Рилмок, готовься! Сейчас концентрация высших кхар в твоём сарае превысит все допустимые максимумы.

Домик лекаря Лидан и впрямь нашёл довольно быстро. Он спрыгнул с коня и, внутренне поёжившись, направился к двери. Та была гостеприимно распахнута, и в проёме Лидану почудилось движение. В следующее мгновение перед ним стояла Алейт, поглаживающая меч. «Тьфу ты, пропасть,» – вздохнул кхар, – «Так я и думал». Вслух же произнёс совсем другое.

– Здравствуй, Водомерка.

– Здравствуй, Морской Конёк.

Алейт приветствовала Лидана в традиционной манере: правая рука на мече, но не сжата, левая чуть отставлена в сторону с раскрытой ладонью. Лидан в точности повторил эти движения. Рилмок из окна видел церемонию приветствия и во все глаза глядел на двух высших кхар. Они были похожи, очень похожи, оба тонкие, высокие, с головами без волос и в чешуйчатых

доспехах. По их фигурам нельзя было определённо сказать, кто из них мужчина, а кто женщина. Вся разница, которую отметил Рилмок, заключалась в широкой перевязи герцогских цветов у гостя и чёрной повязки на глазу у Алеит. Рилмок старался не дышать. Судьба – странная штука, два года он прожил в Хельсвуде полуотшельником без единого запомнившегося дня, как вдруг в его жизнь вошла сначала Алеит, а теперь вот приехал охранник кого-то из герцогской свиты. Что же случилось? Проклиная себя за любопытство, Рилмок вышел из домика и стал свидетелем очень странной сцены.

Алеит и гость стояли молча друг напротив друга и пристально вглядывались один в другого. В их молчании было что-то необъяснимо притягательное. Рилмок сделал ещё шаг, как вдруг почувствовал, что его кожа покрывается мурашками. Для тёплого летнего денька более чем странно. Потом заложило уши. Чем ближе Рилмок подходил к кхарам, тем сильнее гудела голова, а все волосы на теле встали дыбом. Алеит и гость не обращали на него внимания, всё так же продолжая свой безмолвный поединок. Когда Рилмок почувствовал, что сейчас потеряет сознание, незнакомый кхар обернулся и сказал уже на всеобщем:

– Твоему лекарю сейчас самому будет нужна помощь. Не стоит говорить долго на Первом Языке в присутствии людей.

Рилмок почувствовал, как невидимый обруч спадает с его головы. В ушах ещё стоял звон, но и он постепенно затихал. «Первый Язык!» – стучало в голове юноши, – «Язык обитателей глубин! Стелларий писал об этом...» Но додумать свою мысль Рилмок не успел. Алеит и гость подошли к нему, и кхара официальным тоном произнесла:

– Прошу приветствовать. Мастер Рилмок, это Лидан кхар'Кирдеат из топей Кирдэ, Хранитель Короны его величества герцога Стеллана Восьмого. Лидан кхар'Кирдеат, спешу представить вам мастера Рилмока, послушника Магнификата и здешнего лекаря.

Рилмок ошарашенно глядел на Хранителя Короны. Его лицо, в отличие от Алеит, можно было назвать даже красивым, если бы не ледяной холод сиреневых глаз. Кхар смотрел Рилмоку в лицо, не мигая, и под этим взглядом крошилась сталь. Он учтиво кивнул после представления, но руки не подал. Рилмок же и шелохнуться не смел. Под бесстрастным взглядом Лидана ему хотелось куда-нибудь шмыгнуть и сидеть тихохонько, но ноги словно вросли в землю. Алеит, глядя на это, только головой покачала.

– Мастер Рилмок, думаю, стоит пригласить Хранителя Короны в дом, – подсказала она.

Рилмок очнулся. «Какой же я дурак!» – мысленно взвыл он, – «Держать гостя на пороге, да ещё из герцогской свиты! Сейчас он мне голову отрубит...»

– П-п-прошу вас, – запинаясь, проблеял юноша, – заходите. У меня всего один стул...

Лидан оттер его плечом и вошёл. Сев на тот самый стул, он дождался, пока зайдут Рилмок и Алеит, и бросил:

– Именем Короны. Вам, мастер Рилмок, и вашей пациентке необходимо проследовать со мной в Аквилис по приказу герцога. Лошади для вас уже подготовлены. Сударь лекарь, извольте собрать всё необходимое и готовьтесь выступать.

Рилмока пробрал холодный пот. Он не верил своим ушам. Его и Алеит вызывают в столицу? К герцогу? Но зачем? Или... Он вспомнил свой спор с Алеит. Но это немыслимо! Как... откуда герцог мог узнать...

Он всё ещё стоял столбом, лихорадочно пытаясь успокоить дыхание, как вмешалась Алеит.

– Что за чушь! С чего ты взял, Морской Конёк, что я с тобой куда-то поеду? Я не служу герцогу. А мастер Рилмок находится под покровительством Магнификата. К чему эта поездка?

– Это приказ, – ледяным тоном сказал Лидан, но жабры его слегка встопорщились, выдавая волнение.

– Я хочу знать, зачем мы понадобились герцогу.

– Он сам вам всё скажет.

– Нет, радость моя, – Алейт потянулась с грацией мурены, – это ты мне сейчас скажешь. В подробностях. Я тебе не подданная Короны, чтобы бежать по первому щелчку. Или ты против?

Лидан медленно и глубоко дышал. Всё шло наперекосяк, как он и опасался. Сумасшедшая высшая так просто не подчиняется, даже если бы с ней говорил сам Создатель. И Лидан с горечью понимал, что спор этот оружием не решить. В бою против Алейт кхар'Линдаат шансов у него удручающе мало. Если лекаришку можно без лишних церемоний закинуть на коня (хотя, скорее всего, худосочный щенок свалится в первую же минуту), то с Водомеркой этот номер не пройдёт. Лидан незаметно сглотнул и принял решение.

– Хорошо, я объясню желание герцога, хотя у меня нет таких полномочий. Его Величество заинтересован схваткой между Алейт кхар'Линдаат и неизвестным противником, что нанёс ей столь ужасающие ранения. Герцог...

Алеит с размаху вогнала меч в дощатый пол, отчего тот с треском проломился. Рилмок шарахнулся вбок, понимая, что сейчас грянет гром. И он грянул.

– Твой герцог слишком много просит. Мне нечего рассказать об этой битве. Всё, что я знаю – это только то, что у меня две раны и ни одного воспоминания. Мастер Рилмок под присягой подтвердит мои слова. Если для этого надо ехать в столицу – то поезжай. Один.

– Алеит, – Лидан встал и положил руку на меч, – всем известна твоя несговорчивость, но у меня есть приказ, и я его выполню. Если для этого придётся нанести тебе третью рану, я это сделаю.

– Ну давай, – Алеит приглашающе поклонилась, – я давненько не имела хорошей боевой практики.

– Госпожа Алеит... – начал было Рилмок, с ужасом понявший, что сейчас в его доме будет натуральная резня, но кхара одним движением отпихнула его в угол.

– Ну так что?

– Я не хочу с тобой драться, Водомерка.

– Не дерись.

– Что мешает тебе поехать в Аквилис? Ты уже вполне можешь ехать верхом. А этот городишко спокойно проживёт и без мастера Рилмока, несколько дней уж точно.

– Своими днями я распоряжаюсь сама. И да, радость моя, ты абсолютно прав, что не хочешь со мной драться. Для Хранителя Короны бесчестье – потерпеть поражение в поединке. Возвращайся в Аквилис и передай герцогу мои слова.

Буравя друг друга взглядами, способными заморозить всё Пурпурное море, кхары стояли, готовые в любую минуту всё-таки решить этот спор оружием. Рилмок, трясаясь от страха, вдруг неожиданно произнёс:

– Госпожа Алеит, может, нам стоит прислушаться к просьбе герцога? Я возьму все необходимые лекарства...

– Поверить не могу, что в тебе есть Чистая Кровь! – рявкнула кхара. Лидан удивлённо посмотрел на юношу.

– Даже так?

Алеит сплюнула, вытащила меч из пола и грохнулась на стул.

– Я становлюсь несдержанной на язык. Но вообще-то да, Лидан, капелька Чистой Крови в нём есть. А ну-ка, пошли.

Схватив Лидана за плечо, он выволокла его во двор, поближе к пруду. Рилмок счёл за лучшее даже не пытаться подслушать.

– Я не знаю, зачем ты здесь на самом деле, но слушай. – Алеит перешла на Первый язык. – Только из уважения к твоей прабабке, Лирейт кхар'Кирдеат, всё-таки скажу. Этот мальчишка и впрямь потомок Интериора. Случайно выяснилось. Он сам ещё не до конца переварил. Но, Лидан, если это так, а это так, у меня появилось много неотложных дел.

– Ты и впрямь сумасшедшая, – покачал головой Лидан, – все слухи о тебе до неприличия правдивы. Ну сколько можно играть с этой дурацкой затеей с Интериором? Он сгинул, нет, не перебивай меня, сгинул в Джайнмуре, а ты едва унесла ноги. Ты уже ничего не узнаешь, пойми это наконец! Интериор мёртв, страной правит династия Стелланов, твоя личная месть не нужна даже тебе самой. Ты могла бы броситься на меч...

– Заткнись.

– Нет уж, послушай! – Лидан распалялся всё больше. – Хватит ворошить сухие водоросли! Ты одержима, и сама знаешь это! А мальчишка? Даже если он действительно потомок Интериора – что с того? У людей сменилось уже... одиннадцать или двенадцать поколений. Или ты хочешь восстановить Интерию? Алейт, не сходи с ума. То, что этот знахарь не до конца тебе верит – хвала Создателю! Только переворота нам здесь не хватало!

– При чём здесь переворот, Лидан? Или должность Хранителя Короны затмила твой разум? Ты думаешь, мне или этому мальчишке, как ты его называешь, нужна власть? Да он умрёт от ужаса, если только услышит подобное предположение!

– Тогда что?

– Дар Интериора, Лидан. Чистая Кровь.

– Нет, ты всё-таки сумасшедшая. – Лидан встал с земли и пошёл к домику Рилмока. Алейт пожала плечами и проводила его долгим взглядом. Семя было брошено в землю. Осталось подождать совсем немного.

Лидан вошёл в домик и устало сел на стул. Плечи и голову ломило, как после недельного марш-броска. Он понимал, что говорить с Алейт бессмысленно. За четыреста лет любая блажь может вьестись в голову настолько крепко, что не помогут никакие аргументы. Четыреста лет! Лидан поцокал языком. Она почти втрое старше него, и упрямства у неё поболее. Сумасшедшая. Нет, одержимая. Абсолютно непредсказуемая, одержимая бестия. Неудивительно, что её фантазии вылились на голову ни в чём не повинного знахаря. Лидан повернулся к Рилмоку.

– Мастер Рилмок, не могли бы вы просветить меня, с чего ваша пациентка решила, что вы потомок Интериора?

Рилмок сглотнул и дрожащими руками протянул Лидану «Сказание о Пропавшем Короле» с гравюрами Кристобаля Придворного. Кхар открыл книгу на закладке и внимательно изучил иллюстрацию, периодически бросая на Рилмока цепкий взгляд. Наконец, удовлетворясь увиденным, он откинулся на спинку стула.

– Признаю, сходство впечатляющее. Возможно, на этот раз Водомерка не путает реальность и вымысел. И как же вы собираетесь воспользоваться такой родословной?

– Но я не знаю, господин Хранитель Короны, – пробормотал, запинаясь, Рилмок. – Госпожа Алейт, в сущности, ничего мне не объяснила...

– Госпожу Алейт, – криво усмехнулся Лидан, – и все её слова следует делить на пятнадцать или двадцать. Вы, возможно, не знаете, но она была Хранителем Короны при том самом Пропавшем Короле. Наш народ живёт долго и она – живое тому подтверждение. Но уход Интериора повредил рассудок Алейт. Многие вещи она воспринимает... неадекватно. Участь Пропавшего Короля стала её навязчивой идеей. Я говорю вам это для того, чтобы вы не сильно обольщались. Вы очень похожи на Интериора в вашем возрасте, но я сомневаюсь в этом родстве. Советую не забивать голову этими бреднями. Лучше помогите уговорить Алейт отправиться в Аквилис. Боюсь, силой этот вопрос не решить.

Глава VI

– Хватит подстрекать моего врача, – Алейт бесшумно появилась в дверном проёме, – я думала, что мы друг друга поняли.

Лидан встал со стула, сделал круг по комнате и угрюмо буркнул:

– У меня приказ, Алейт. Ты исполняла приказы своего господина, почему отказываешь в этом мне?

Алейт молча смотрела куда-то сквозь Лидана. Водомерка на её затылке сгибалась и разгибалась тонкие ножки, словно готовилась к прыжку. Рилмок опять забился в самый дальний угол. Ему уже начало казаться, что и Алейт, и Лидан посланы ему Обратной Сутью в испытание. Бесконечный спор о поездке, несговорчивость и вспльчивость обоих кхар сильно обескураживала юношу. В глубине души он надеялся, что Алейт всё-таки послушает голос разума и согласится посетить Аквилис. Поехать в столицу! У Рилмока перехватило дыхание. В Аквилисе он не был никогда, но книги красочно описывали великолепные замки, площади, выложенные шагратским мрамором, фонтаны с разноцветной водой и прочие красоты главного города людей. А посетить герцогскую резиденцию... Об этом можно было только мечтать, да Рилмок себе этих грёз никогда не позволял, он старался быть реалистом. И вот он – шанс! Шанс, который выпадает раз в жизни. Братьям Магнификата не то чтобы не позволялось путешествовать и посещать столицу, но всевозможные соблазны крупного города были большим искушением. Рилмок не относил себя к аскетам, но заповеди Создателя читил и старался избегать лишних соблазнов. Но... Аквилис... посетить его для будущего хрониста вдруг показалось Рилмоку чрезвычайно важным. Всё упиралось в Алейт, в её поистине необъяснимое упрямство. А ещё эти странные намёки на какую-то Чистую Кровь... Теперь Лидан тоже смотрит на него с брезгливым недоумением. За что ему эти испытания, Рилмок не знал, а потому решил прислушаться к разговору кхар, благо говорили они на всеобщем языке.

– Что ж, Морской Конёк, может, мы и поедим в Аквилис. Но через Кхаридан.

Лидан поперхнулся. Рилмок же замер на месте, не в силах осознать услышанное.

– Чрез Кхаридан? А почему не через Подлунный Хребет? Что ты забыла в Дельте, Водомерка? А, главное, что там забыл этот молодой человек?

– Я сказала. – Алейт в упор смотрела на Лидана. – Или в Аквилис через Дельту, или я остаюсь здесь и ничего ты с этим не поделаешь.

– И что же тебе так внезапно понадобилось на нашей родине?

– Купель. – Кхара словно поставила некую точку. Лидан изменился в лице:

– Ты... ты ещё безумней, чем я думал. Ты угрозишь мальчишку, а, возможно, и себя.

Кхар-даон не потерпит такого святотатства.

– Решайся, Лидан. Это моё последнее слово.

Хранитель Короны подавленно молчал. Предложение Алейт было невысказанным, невозможным, но по-другому с ней было договориться нельзя. Он обернулся к Рилмоку.

– У вас есть что-нибудь перекусить? Ваша пациентка меня просто вымотала.

Рилмок торопливо притащил миску с рыбой и бутылку фолтского. Лидан глянул в миску и удивлённо произнёс:

– Форель, запечённая с беличьим укропом? Не ожидал от вас, мастер Рилмок, такого кулинарного мастерства.

– Это Алейт, – покраснев, пробормотал юноша, – это она жарит рыбу.

Лидан покосился в сторону кхары. Та с безмятежным видом строгала ногтем небольшую щепочку. Рилмок неприкаянно стоял посреди комнаты, и Лидану даже стало его немного жалко. Он налил в две кружки вина и пододвинул одну лекарю.

– Я принимаю предложение Алейт кхар'Линдаат, – бесстрастным тоном сообщил кхар, – и раз уж всё разрешилось именно так, скажите мне, мастер Рилмок, что вы знаете о Чистой Крови?

– Ничего, – шёпотом ответил Рилмок.

– Что вы знаете о Даре Интериора?

– Ничего, – молодой человек снова начал краснеть.

– А что вы вообще знаете об Интериоре? Алейт сказала, вы послушник Магнификата. Это правда?

– Да, господин Лидан. Через полгода кончится моё мирское послушание, и я приму сан хрониста Магнификата...

Внезапно Лидан разразился странным каркающим смехом, отчего у Рилмока встали дыбом волосы. Алейт перестала строгать щепочку и заинтересованно наблюдала за своим собратом.

– Вы – будущий хронист Магнификата! Великие Глубины! – Казалось, у Лидана сейчас потекут слёзы от смеха. – Вы понятия не имеете о том, что происходило каких-то жалких четырёхста лет назад! Я знал, что людская память недолговечна, но от Цитаделлы такой поверхностности не ожидал.

– Люди вообще странные создания, – сообщила со своего места Алейт, – они либо трясутся над своей историей, либо напрочь её забывают. В этой поделке, – она указала на «Сказание», – поступок Пропавшего Короля не объясняется никак. Вот был человек, правитель процветающей страны, и вдруг, бросив всё, встал и ушёл в неизвестном направлении. И никто его не искал. И ни у кого не возникло вопросов. А ведь эта сказка написана через какие-то тридцать лет после его ухода. Иногда мне кажется, что, приводя в мир людей, Создатель хотел пошутить, и это очень странное чувство юмора.

– Вы ничего толком не знаете о вашем предполагаемом предке, несмотря на всё его величие, – вновь вступил Лидан. – Библиотека Магнификата считается одной из крупнейших на нашей с вами земле. Понятно, что, как и в любой библиотеке, там есть всевозможные запретные секции и специальные формуляры. Но настолько не знать вещей, прямо относящихся к истории вашего народа... Алейт, – он повернулся к кхару, – не надо ехать в Кхаридан. Это бессмысленно. Он просто жалкий головастик, одной крови мало, чтобы иметь право называться потомком Интериора. С Даром он не совладеет.

– Почему?! – Рилмок сам не ожидал, что закричит во весь голос. – Почему?! Вы ругаете меня за плохое знание истории? Так расскажите мне её, вы, так долго живущие! – Юноша пошёл красными пятнами. – Я не просил никакого родства ни с Интериором, ни с кем другим! Но если то, что говорит госпожа Алейт, правда, так расскажите мне эту правду целиком! Даже если выяснится, что я не имею на неё право по крови, я имею на неё право как хронист!

– О-ля-ля, – теперь уже рассмеялась Алейт, – глядите, как нас распетушило. Рилмок, я клянусь тебе, что после посещения Кхаридана расскажу всё, что знаю. Пока это знание может тебе только повредить. Поверь мне, это не пустые слова. Лидан! Я слышала, ты согласен с моим предложением.

– Что мне говорить герцогу в таком случае, – буркнул Лидан,

– Правду, конечно, – пожала плечами Алейт, – напиши, что кхара убыла к себе в Кхаридан, а врач сопровождает её до границы. Ты поехал за нами. В Дельту герцог не сунется, а вот ты запросто. Не вижу никаких противоречий.

– Хорошо, заберите вас Обратная Суть! – сплюнул в сердцах Лидан. – Откуда здесь можно отправить письмо?

– Из «Оранжевого Осла», – подал голос Рилмок.

– «Оранжевый Осёл»? А, постоянный двор, где кхар боятся до потери сознания? Кстати, почему они так нервно реагируют? Что этот толстый коротышка, что усатый хозяин. Твои проделки, Водомерка?

– Зато теперь мы избавлены от их навязчивых услуг.

Лидан обречённо махнул рукой и одним глотком допил фолтское.

«Оранжевый Осёл» был, как всегда, шумен и гостеприимен. Огромный зал был почти полностью забит посетителями, и даже в частных нишах задёрнуты были практически все шторы. В Хельсвуде отмечали какой-то местный праздник, отчего пиво лилось рекой, а запасы знаменитого копчёного окорока с белым перцем стремительно таяли. Филкис колобком катался от столика к столику, а степенный дядюшка Никус с неожиданной для него лёгкостью метал на стол всё новые и новые кружки и ворочал тяжёлые пивные бочонки. В углу на невысокой деревянной сцене играли приглашённые из самого Фолта музыканты – разудалая четвёрка в ярких нарядах. Праздник был в самом разгаре, когда Рилмок и двое высших кхар зашли в «Оранжевый Осёл».

Не сразу, но наступила гробовая тишина. Посетители «Оранжевого Осла» изумлённо смотрели на невиданных гостей, а те из селян, кто помнил полёт Филкиса с булочками, начали осторожно отодвигаться в самые тёмные углы. Несчастный Филкис булькнул и уронил четыре полные кружки с пивом, растянувшись в пенной луже, а усы дядюшки Никуса слегка поникли. Даже музыканты прекратили наяривать свою песенку, а вытянули головы, чтобы получше разглядеть легендарных наёмников.

Рилмок почувствовал себя крайне неудобно, но развить мысль опять не успел: Лидан, перешагнув через Филкиса, подошёл к стойке и бросил ледяным тоном:

– Именем Короны. Вы немедленно отправите советнику Фирину моё послание. Перо и бумагу!

Дядюшка Никус молниеносно подал Лидану писчие принадлежности, и кхар начал строчить послание в Аквилис. Филкис меж тем кое-как выбрался из лужи пива и на карачках старался уползти за стойку. Рилмок непроизвольно хихикнул. Филкис в ужасе вытаращился на юношу и сдавленно проблеял:

– М-м-мастер Рилмок... да коли бы я... да если б я знал... к стопам припадаю... не губите...

– Чего это он? – изумлённо поинтересовался Рилмок у Алеит, которая тоже улыбалась, но как-то странно; как кот, глядящий на мышь.

– Теперь, юноша, этот добрый трактирщик считает тебя не иначе как сыном самого Создателя. Мало кто может похвастаться эскортом из двух высших кхар. Так же он думает, что ты близок к его величеству герцогу, так как наш красавец Лидан напялил на себя парадную перевязь. Дыши глубже, мальчик, ты теперь весьма знаменитая персона.

Лидан тем временем дописал послание, кинул Никусу пару монет и, обернувшись к своим спутникам, рявкнул:

– Если все попрощались с этим хранимым Создателем местом, то предлагаю тронуться в путь.

Глава VII

В путь!

У Рилмока тоскливо засосало под ложечкой. Он путешествовал всего два раза в жизни, первый раз ребёнком, когда за ним приехала повозка с эмблемой Магнификата, и брат Виллим благословил его на учёбу, а второй раз два года назад, в точно такой же повозке уже из Цитадели в мирское послушание в Хельсвуде. Первое своё путешествие Рилмок почти не помнил, а в следующий раз практически всё его время было отдано книгам да беспокойному сну в дешёвых комнатухах постоялых дворов. Рилмок вдруг понял, что даже не знает, как выглядит Аквилия не на гравюрах, а в жизни. Он опасливо покосился на чалую кобылу, что нетерпеливо держал под уздцы Лидан. Юноша ни разу не ездил верхом и понятия не имел, как взбираться на это животное. Кобыла казалась спокойной и неторопливо помахивала хвостом, отгоняя слепней. У самого Лидана и Алеит были совсем другие кони. Чёрные, огромные, с лохматой гривой и хвостами до самой земли, они даже стоя храпели и мотали головами, а упряжь их отливала зеленоватым металлом. Знаменитые «речные дьяволы» Кириата, специально выведенная порода, не боящаяся кхар. Говорили, что они могут переплывать бурные горные реки и взбираться по каменистым осыпям, находя одним им ведомые тропы. Стоили такие кони баснословно дорого, и позволить их себе могли разве только что сами кхары – охранники богатейших людей Аквилии. Рилмок решил для себя ни под каким предлогом даже не приближаться к этим порождениям Обратной Сути.

Алеит же и Лидан «речных дьяволов» совсем не боялись, кхара даже угощала своего жеребца чем-то, прихваченным из Рилмоковой каморки. Конь храпел, зыркал красным глазом, но лакомство принимал с удовольствием.

Лидан же, внимательно наблюдая за Рилмоком, вдруг рявкнул:

– Не подходи к лошади сзади! Тебя что, вообще не учили, как обращаться с животным?

Рилмок испуганно помотал головой и сделал шаг назад. Лидан закатил глаза:

– Вот ведь несчастье на мою голову, сожри тебя спрут. Или сюда, подсажу, – и одним движением закинул Рилмока в седло. Алеит хмыкнула. Юноша в ужасе вцепился в поводья, стараясь не упасть. Лошадь даже головы не повернула. Рилмок судорожно нашаривал стремяна, одной рукой схватившись за луку, другой сжимая кожаную уздечку. Вид у него был настолько комичный, что даже непробиваемый Хранитель Короны не выдержал и захохотал. Глаза Рилмока налились бессильными слезами. Он понимал, что кхар смеётся над его неуклюжестью, но ничего не мог поделать. Седло предательски скользило, стремяна не нашаривались, а уздечка была мокрой от внезапно вспотевших рук. И только чалая кобыла совершенно не обращала внимания на седока, мирно общипывая кусты волчегонки.

Отсмеявшись, Лидан подошёл к незадачливому всаднику и хлопнул того по плечу:

– Не злитесь, мастер Рилмок. Я ни разу в жизни не видел столь далёкого от верховой езды человека. Прошу меня простить. Я объясню, как вам управляться с лошадью, кстати, её зовут Арна. Чтобы повернуть, дёрните уздечку вот так. Тихе, тихе, не рвите Арне губы. Во-от так, теперь правильно. Чтобы она пошла, двиньте ей пятками в бока. Не бойтесь, у неё дубовая шкура, бейте сильнее, чтобы Арна почувствовала приказ. Вот вам прутик. Будете её подгонять. Мы поедем не очень быстро, иначе вы свалитесь с непривычки. Спину держите ровно, можете взяться за заднюю луку. Ну-ну, не волнуйтесь так. Мы с Алеит рядом, в случае чего поймаем вас. Так, ладно, всё, что мог, я вам сказал. По коням!

Не прошло и пятнадцати минут езды, как вдруг Алеит резко осадил своего «дьявола» и обратилась к Рилмоку:

– А у вас есть такое местечко – Фролин?

Рилмок удивлённо взглянул на кхару:

– Да, в десяти милях отсюда. Это небольшой посёлок, скорее, несколько хуторов. Надо ехать по этой дороге прямо до указателя... вроде бы. Я сам там никогда не был. А что там?

– Увидишь, – пообещала Алейт и прищипнула коня.

Лидан поравнялся с Рилмоком и поинтересовался:

– Что ещё за фокусы? Какой Фролин?

– Не знаю, – озадаченно пробормотал Рилмок, – замыслы госпожи Алейт для меня полная загадка.

– Вот ведь чокнутая, – еле слышно пробормотал Лидан и тоже хлестнул коня.

Рилмоку только и оставалось, что скакать следом, вцепившись в луку.

Тихий и сонный Фролин не ожидал с утра никаких потрясений. Жизнь текла своим чередом, куры квохтали и бродили по единственной улочке в поисках какой-нибудь поживы, где-то мычала корова, собаки лениво перебрехивались из-за плетёных оград. Жители Фролина, три семьи Фролтаг, Фролей и Фролинше, уже не помнили, когда в их забытый Создателем уголок приходили гости с Большой Аквиллии. Фролин находился в стороне от тракта, постоянных дворов не имел, и даже сборщики налогов иногда забывали про эти три хутора. Дальше Хельсвуде, где фролинцы торговали сыром собственного производства, никто из них не был, да и Хельсвуде казался застенчивым хуторянам огромным, бестолковым и полным лихих людей. Каково же было их изумление, когда на дороге послышалась частая дробь копыт, и на площадку перед домами вылетели чёрные жуткие кони с такими же чёрными всадниками, похожими на глашатаев Обратной Сути, как их рисовали в «Славе Создателю». Третий конь был не такой страшный и трусил в отдалении.

Ойкнула какая-то девчонка за оградой, собаки заскулили и, поджав хвосты, попрятались по кустам, и только глупые курицы продолжали копаться в мусоре.

Лидан заметил несколько пар испуганных глаз в окнах и за заборами. Поняв, что встречать гостей никто не выйдет, он спрыгнул со Шторма (так звали его коня) и огляделся.

Площадь радовала абсолютной пустотой. Если во Фролине и жили люди, все они попрятались, и над хуторами простерлась тяжкая тишина, нарушаемая лишь храпом коней. Лидан вышел на середину, поправил перевязь, чтобы лучше была видна поселянам, и загрохотал:

– Именем Короны! Мы ищем Йозева и Гретту Фролинше! Если рекомые лица находятся здесь, они должны немедленно выйти! Приказ герцога!

– С тобой удобно ездить, – чуть слышно проговорила Алейт, слегка улыбаясь. – «Именем Короны!» – и все двери нараспашку. Только ори потише. Ты перепугал всех хуторян.

– Утихни, – бросил Лидан, – это была твоя идея ехать сюда. Что ты тут забыла?

В этот момент их нагнал Рилмок, еле державшийся в седле. Он очень устал с непривычки и теперь только тихо радовался неожиданной остановке.

Одна из калиток в плетёных заборах приоткрылась, и оттуда высунулись до икоты перепуганные Йозев с Греттой. Увидев кхар, они затряслись ещё больше. Йозев, хоть и пытался дрожать меньше жены, сразу узнал раненого воина, которого они нашли по дороге в Хельсвуде. Сейчас ничто не указывало на его рану. Рядом стоял кхар в богатой одежде и недовольно зыркал по сторонам. Но уж кого Йозев совсем не ожидал увидеть, так это Рилмока-лекаря.

Жена Гретта только бесконечно осеняла себя знаком Создателя, не в силах произнести ни слова. Йозев внутренне поблагодарил незваных гостей за то, что у жёнушки пропал дар речи. Такое случалось нечасто и расценивалось как настоящий дар Создателя. Тем временем одноглазый воин подъехал на пару шагов поближе и громко поинтересовался:

– Вы Йозев и Гретта Фролинше?

– Д-да, – заикаясь, ответил Йозев. Гретта только глаза пучила. Соседей же и вовсе не было ни слышно, ни видно.

Алейт вынула из седельной сумки какой-то мешочек и швырнула почти к самой калитке. Мешочек очень знакомо звякнул. Йозев сглотнул, боясь поднять глаза.

– За то, что не оставили ближнего в тяготах его, – крикнула Алейт, – у его величества герцога Стеллана Восьмого очень добрые и богобоязненные подданные. Мой брат доложит герцогу о вашей милосердии к раненым.

Гретта, к чьим ногам упал мешочек, осторожно потрогала его и вдруг, с размаху ударив мужа по затылку, завопила:

– В ноги, в ноги падай благодетелям, окаянный! – И сама повалилась на колени. Йозев оторопело опустился рядом с ней и, услышав характерный звон внутри холщовки, тоже начал бить поклоны. Алейт неподвижно сидела на коне, наблюдая за этой сценой, Лидан откровенно скучал, а Рилмок, поражённый до глубины души, шёпотом обратился к Алейт:

– Госпожа Алейт, зачем вся эта сцена? Зачем вы унижаете этих бедных селян?

– Унижаю? – изумилась Алейт. – Этих денег хватит им на несколько лет безбедной жизни. Люди, Рилмок, это обычные люди, добрые подданные его величества герцога. Они не способны испытывать благодарность, вот почему сейчас трясутся, не понимают и размазывают сопли. Я отплатила им за доброту, а они боятся поднять глаза. За всё то время, что я живу, они ничуть не изменились. Пусть их. Здесь я сделала всё, что хотела. Можно спокойно ехать в Дельту.

И развернула коня.

Гретта, не дыша, подтянула к себе мешочек и дрожащими пальцами развязала кожаную тесёмку. Внутри, переливаясь завораживающим блеском, сияли полновесные талалы. Очень много талалов. Йозев, кряхтя, поднялся и с чувством возблагодарил Создателя и за неожиданный дар, и за быстро исчезнувших жутких гостей. Гретта пихнула его в бок:

– Что встал-то, чурбак с глазами? А ну, пошли, золото спрятать надобно, пока соседи не прознали, что к чему.

– Ох, и злющая ты... – со вздохом пробормотал Йозев и поплёлся за женой.

В доме их ждали две дочурки-близняшки, Люси и Тильда, обе хорошенькие. с роскошными косами и румяными щёчками. Сейчас, правда, глаза их были полны испуга, а щёчки заливала бледность.

– Тятенька, кто это был? – пискнула Люси, она всегда была трусишкой.

Не дав мужу раскрыть рта, Гретта громкогласно заявила:

– Это, дура, были кхары, охранники сиятельного герцога! Ваш тятенька спас одного из них от смерти, и они щедро одарили его за это!

Йозев лишь глаза закатил, вспоминая «болотную кхарь» и «отродье нелюдское», в изложении той же Гретты чуть больше месяца назад. Люси и Тильда заворожённо глядели на крупные блестящие монеты. Гретта, перехватив их взгляд, властно сгребла мешочек.

– Ишь, zenки поразвыпучили! Вот замуж выйдете – может, пару монет дадим в приданое, а пока чтоб духу вашего рядом не было! Ты рот-то не раскрывай! Слыхала, что сказал достопочтенный кхар? Он доложит герцогу о доброте вашего батюшки! Вот тогда и заживём, а пока брысь курей загонять! Lentяйки, только мать своим бездельем позорите!

Девушки бочком вышли из дома, а Гретта торопливо запихала мешочек на самое дно самого старого и неказистого сундука.

Йозев только крякнул и пошёл к соседу Нильтасу – ракитницу пить.

Глава VIII

Его Величество герцог Стеллан Восьмой изнывал от жары на балконе тронного зала. Двое слуг безостановочно качали над ним опахалами, а вазочки с мороженым сменяли друг друга, едва подтаяв. Кхар Илдан тоже стоял рядом с повелителем, держа меч наголо, но нападать на герцога здесь было некому. Балкончик выходил на внутренний дворик герцогского замка, называемый Садином Чудес. Пробраться туда не отваживался ни один сорвиголова. Несколько лучников-людей постоянно дежурили в пышных зарослях, а двое высших кхар неспешно прогуливались в благословенной тени и вели учтивые беседы друг с другом. Их обманчивая вальяжность влетала в копеечку для редких авантюристов, решавшихся навестить дворец правителя Великой Аквиллии. Так что Стеллан находился в полной безопасности и наслаждался замороженным молоком с мёдом. Уединение государя нарушил еле заметный шелест. Услышав знакомый звук, Илдан рывком отёрнул ширму, и на балкончик внесли носилки с Фирином.

Стеллан со вздохом отставил вазочку с мороженым и повернулся к советнику. Потревожить герцога на балкончике Фирина могло заставить только донесение чрезвычайной важности.

– Я слушаю тебя, – Стеллан устало опустил в кресло. «Нигде нет покоя... Каждый мой вздох охраняют десятки стражников и высшие кхары, но я никогда не могу побыть наедине с собой. Ну что на этот раз?»

Фирином дождался, пока государь выйдет из задумчивости и степенно начал:

– Ваше Величество, только что гонец принёс донесение от Хранителя Короны. Он пишет, что направляется по следам кхары и её лекаря в Дельту.

– Вот как? – приподнял брови Стеллан. – Очень любопытно. Хотя куда ещё направляется кхаре, как не в Кхаридан. Хорошо, Фирином, если это всё, то ты свободен.

– Ваше Величество?! – От неожиданности Фирином аж приподнялся на носилках. – Но... но как же? Если кхара уйдёт вглубь...

– Мне достаточно будет её лекаря, – перебил советника Стеллан, – я уже жалею, что отправил Лидана на поиски этих двоих. Если он что-то узнает, то вскорости узнаем и мы. Раненая Первая и деревенский знахарь не представляют угрозы для Короны. А теперь оставь меня, я хочу полюбоваться фонтанами.

Фирином пробормотал какие-то неразборчивые учтивости, и его носилки бесшумно скрылись за занавесом.

Рилмок воевал с Арной не за страх, а за совесть. Чалая кобыла воспринимала седока как досадную помеху в деле объедания кустов волчегонки и при любом удобном случае стремилась к вождельным зарослям. Стоило ей нагнуть голову, как Рилмок едва не вылетал из седла. Оттащить упрямое животное не представлялось никакой возможности: Арна с великолепным спокойствием переносила все понукания и дёргания уздечки. Рилмок молотил её каблуками по бокам, хлестал прутиком, но кобыле было всё нипочём. Измучившись, юноша бросил поводья, вцепился покрепче в луку седла и стал молиться, чтобы глупая скотина, повинувшись стадному чувству, просто следовала за «речными дьяволами». Но если Шторм и Мурена были вышколенными конями высших кхар и не проявляли ни малейшего интереса к траве и кустарникам (Рилмок боялся предположить, чем питались эти чёрные демоны), то Арна была всего лишь кобылой-пятилеткой и старалась брать от жизни всё, включая пышные заросли с тёмными, дурмящими цветами. В конце концов Арна увязла в не менее привлекательных кустах ежевики и послушник Магнификата сдался окончательно.

Лидан, заметив Рилмоковы страдания, подъехал и прицепил длинную кожаную тесьму к упряжи зловердной кобылы.

– Поедете в поводу, – бросил он, – сил моих больше смотреть на это нету.
Тройка всадников удалялась на запад.

Миновав несколько селений, Алейт, Лидан и Рилмок услышали какие-то крики на окраине последней деревеньки.

– Что это там у них? – вполголоса поинтересовалась высшая. Всадники выехали на пустырь, и их взглядам открылась интересная картина.

В центре утоптанного пустыря был вкопан столб, обложенный вязанками хвороста, а к столбу была накрепко привязана светловолосая девушка лет шестнадцати. Лицо её почти целиком покрывали синяки и ссадины, кое-где были заметны проплешины от выдранных с корнем волос. Сил кричать и звать на помощь девушка, видимо, уже не имела. Вокруг столба толпилось человек пятьдесят с вилами и готовыми вспыхнуть факелами. Никаких отрядов стражи или деревенского патруля поблизости не наблюдалось.

Лидан присвистнул, а Рилмок оторопело смотрел на готовящуюся казнь. Наконец, он обрёл дар речи.

– Госпожа Алейт, господин Лидан, – его голос срывался, – что, именем Создателя, они хотят сделать?

– Сжечь ведьму, – бросила Алейт, – ваш народ не владеет магией, и все те, кто наперекор Создателю, пытаются овладеть запретным искусством, подлежат казни. Все эти ведьмы и колдуны могут лишь вредить и насылать порчу на скот и младенцев. Испокон веков казнь для ведьмы – костёр.

– Нет, – прошептал Рилмок, – нет, это невысказано! Нельзя просто так взять и сжечь живьём... она же человек!.. – Глаза его налились слезами.

– А вот тут мастер Рилмок прав, – вдруг сказал Лидан, – я не вижу здесь представителей закона этих мест. Мы находимся во владениях графа Сирке, но что-то я не наблюдаю стражников с его эмблемой. Это похоже на самосуд.

С этими словами Лидан подъехал поближе к толпе и уже привычно для Рилмока загрохотал:

– Именем Короны! В чём обвиняется эта женщина?

Возле столба моментально образовалось пустое пространство, люди пятились назад, увидев высшего кхар на «речном дьяволе», но вилы не опускали. Наконец, к Лидану опасно приблизился мужик лет сорока с испитым и порченным оспинами лицом. Во рту у него не хватало половины зубов.

– Э-э-э... значит... прощения просим, милсдарь кхар. Ведьму тут поймали, коров кровью доить заставляла, детей на сухоломку изводила. Вот мы-то её, значит, поймали и будем щас казнить, как того требуется... Так вот, милсдарь кхар.

Лидан критически осмотрел столб и горы хвороста под ним и вдруг схватил крестьянина за горло.

– Где стражники графа Сирке? Почему казнь проводится без присутствия патруля? Знаешь ли ты, смерд, что тебе и твоим односельчанам грозит за самосуд?

Мужик хрипел и пучил глаза, толпа со вздохом отхлынула подальше. Девушка к тому времени уже бессильно обмякла, поддерживаемая лишь верёвками, врезающимися в кожу. Лидан ослабил хватку и пристально смотрел на мужика в ожидании ответа. Тот долго откашливался, а потом просипел:

– До графа далеко, милсдарь кхар... кха-кха... сбежать могла ведьма-то... мы уж и в подпол сажали... всё одно... не выдерживают мужики, выпускают с жалости-то...

Рилмок, заворожённо глядя на эту сцену, вдруг взмолился:

– Госпожа Алейт, ну сделайте же что-нибудь! Я прошу вас, я на колени перед вами встану...

– Заткнись, – шёпотом рявкнула Алейт, – Лидан сейчас наведёт порядок в этой толпе любителей огонька.

Лидан лёгким движением оттолкнул мужика, который влетел в толпу и распластался на земле, потом подъехал к столбу и одним взмахом меча разрубил путы. Девушка рухнула на гору хвороста, как Рилмоку показалось, без сознания. Лидан склонился над ней и похлопал по щекам. Рилмок и Алейт подъехали поближе. Девушка едва открыла глаза и вдруг (откуда только силы взялись?) упала на колени:

– Господин!.. господин!.. благодарю вас...

Лидан спрыгнул с коня и ногой подтолкнул несостоявшуюся жертву самосуда к Рилмоку:

– Благодарю этого юношу. Он просил нас за тебя.

Девушка бросилась к Рилмоку и обхватила руками его сапог, покрывая судорожными поцелуями каблук и стремя:

– Господин... век вашей доброты не забуду... рабой вашей буду... что хотите, для вас... жизни не пожалею... навсегда ваша...

Рилмок не успел и рта раскрыть, потрясённо глядя на обливающуюся слезами ведьму, как Лидан одним движением закинул её поперёк спины Шторма.

– Передадим её стражникам в Сиркейте. Если она ведьма, пусть её судит графский суд, а не кучка безграмотных пьяниц и черни. Я доступно выражаюсь? – Он обвёл взглядом толпу. Люди, встретившись с ним глазами, опускали головы, но злобный шепоток не смолкал. Крестьяне собрались на редкое в их краях зрелище, а теперь жертва буквально уплывала из-под носа. Кхар сплюнул на землю и крикнул своим товарищам:

– Поехали отсюда. Ещё немного – и я сам порублю здесь всех без суда.

Два часа тройца ехала в абсолютном молчании. Рилмок никак не мог поверить, что поселяне готовы были сжечь девушку живьём без суда, Алейт, казалось, вся эта история не интересовала вовсе, а Лидан, периодически поправляя лежащую поперёк конской спины ведьму, только шипел что-то вполголоса. Наконец, достигнув симпатичной опушки, он остановил Шторма и скинул свою ношу наземь:

– Иди куда хочешь, – его взгляд, казалось, крошил камень, – мне нет дела до твоих прегрешений. Нам предстоит дальний путь, и у меня нет никакого желания ехать в Сиркейт. Если сумеешь где-нибудь скрыться – значит, повезло. Но не забывай, кому на самом деле ты обязана своим спасением. – С этими словами он развернул коня и приблизился к Рилмоку и Алейт.

Девушка стояла, не в силах поверить своему счастью. Рилмок поймал её взгляд и тепло улыбнулся. Как хорошо, что кхары обладают обострённым чувством справедливости. Юноша готов был сам целовать сапоги Лидана, за то, что тот не дал свершиться этой ужасающей казни. Рилмоку не было дела, была ли девушка ведьмой или толпа поселян просто нашла козла отпущения за все свои неурядицы. Главное, что девушка жива и, возможно, больше не попадёт в лапы этих изуверов. Она, заметив его взгляд, на коленях поползла к Арне и, вцепившись в стремя, снова принялась осыпать поцелуями Рилмоков сапог. Алейт громко хмыкнула:

– На твоём месте я бы бежала со всех ног. Ведьм не очень-то жалуют в Великой Аквиллии. Чтобы духу твоего здесь не было сей же час!

Девушка всхлипнула, поплотнее закуталась в свои лохмотья и, прихрамывая, побрела в сторону деревьев.

– Постой! – вдруг крикнул Рилмок. Девушка испуганно обернулась. – Постой, надо обработать твои раны. У меня есть снадобья, которые помогут снять боль, и заживляющая мазь...

– Не стоит, добрый господин, – застенчиво проговорила девушка, кутаясь в обноски, – на мне всё, как на собаке, заживает. Не забывайте, я ведь ведьма! – И, лукаво стрельнув глазками, она скрылась в лесу.

– Темнеет, – Лидан совершил круг по всё той же опушке, – устроим здесь привал.

– Под открытым небом? – поразился Рилмок.

– Интересно вы рассуждаете, сударь будущей хронист. Если мне не изменяет память, последнее село перед границей с Дельтой было как раз то самое, где так любят сжигать молодых девушек. Постоялых дворов нам не предвидится, будем спать в лесу. Не волнуйтесь, у меня есть кое-какая снедь и тёплые покрывала, вы не замёрзнете. А кроме холода, вам, почитай, и бояться-то нечего. Хотя нынешняя жара сведёт с ума даже джайнов. Ладно, всё, вы как хотите, а мне надоело скакать весь день напролёт. Спешиваемся!

Рилмок кулем свалился с Арны и застонал от боли. День скачки вымотал его до предела. Только сейчас он понял, как же устал. Поясницу ломало так, что на глаза наворачивались слёзы, ноги ниже колен не ощущались вовсе, а, отойдя в заросли и приспустив штаны, Рилмок с ужасом обнаружил, что вся внутренняя поверхность бёдер превратилась в один сплошной багрово-чёрный кровоподтёк. Сил шарить в сумке в поисках мази уже не было. Перед глазами Рилмока плавали цветные пятна, голова кружилась от усталости и от пережитого шока. Ладно, может, к утру полегчает. Едва доковыляв до расстеленного Алеит покрывала, он упал, закрыл глаза, на ощупь завернулся в тяжёлый шерстяной плед и провалился в черноту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.